

18+

ΒΙΚΤΟΡ ΝΕΚΡΑΣ

ЗЕМЛЯ ПОСЛЕДНЕЙ
НАДЕЖДЫ 2.
ВРЕМЯ РЫЖЕГО
ПЕТУХА

ВСЕСЛАВ ЧАРОДЕЙ - 2.2

Виктор Некрас

**Земля последней надежды –
2. Время рыжего петуха.
Всеслав Чародей 2.2**

«Издательские решения»

Некрас В.

Земля последней надежды – 2. Время рыжего петуха. Всеслав
Чародей 2.2 / В. Некрас — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-986398-0

Возмущённые дерзостью Всеслава Чародея, посмеявшего выгнать из Новгорода Мстислава, сына великого киевского князя, Ярославичи готовят на Полоцк поход «всей землёй».

ISBN 978-5-44-986398-0

© Некрас В.
© Издательские решения

Содержание

ЗЕМЛЯ ПОСЛЕДНЕЙ НАДЕЖДЫ	6
ПРОЛОГ	7
1. Кривская земля. Невель. Весна 1029 года, березень	7
2. Кривская земля. Полоцк. Осень 1044 года, руян	12
3. Кривско-словенская межа	16
4. Кривско-литовская межа. Осень 1057 года, руян	21
ПОВЕСТЬ ПЕРВАЯ	26
ГЛАВА ПЕРВАЯ	26
1. Кривская земля. Озеро Нарочь. Сбегова весь. Зима 1066 года, грудень	26
2. Кривская земля. Мядель	30
3. Кривская земля. Озеро Нарочь. Сбегова весь. Зима 1066 года, просинец	35
4. Кривская земля. Озеро Нарочь. Чёрный камень. Зима 1066 года, сечень	43
ГЛАВА ВТОРАЯ	49
1. Дреговская земля. Где-то не очень далеко от Менска. Зима 1066 года, просинец	49
2. Дреговская земля. Река Березина. Зима 1066 года, просинец	54
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Земля последней надежды – 2. Время рыжего петуха Всеслав Чародей 2.2

Виктор Некрас

© Виктор Некрас, 2020

ISBN 978-5-4498-6398-0 (т. 2)

ISBN 978-5-4498-6394-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Виктор НЕКРАС

ЗЕМЛЯ ПОСЛЕДНЕЙ НАДЕЖДЫ

*Боги мои, боги Нави, старые, забытые,
Опалённые кострами да плетями битые
Дайте мне испить-напиться сока дикой ягоды,
Чтоб услышать голос крови богатырских прадедов.*

Сергей ТРОФИМОВ

*Все, что можно увидеть и взвесить, он увидел и взвесил, не ошибаясь.
Впоследствии подтвердилась наибольшая часть. Но, как все люди, какого бы
они ни родились ума, Всеслав не мог счесть и взвесить того, чего не было, –
будущего времени. Завтрашний день берет в свою руку те же силы, какие были
сегодня. Но расставляет их в иных сочетаньях.*

Валентин ИВАНОВ

«РУСЬ ВЕЛИКАЯ»

*Олегу Медведеву – с невыразимой благодарностью
за его невероятные песни, вселяющие волю к жизни*

ПРОЛОГ ВЕЛЕСОВО ЗНАМЕНО

1. Кривская земля. Невель. Весна 1029 года, березень

Звонко трубили рога, кричали выжлятники, по весеннему лесу летел залиvistый лай хортов, свирепое и испуганное хрюканье застигнутого врасплох кабаньего стада, порой прерываемое пронзительными взвизгами настигнутого зверя. Полоцкий князь Брячислав Изяславич охотился.

Шум гона надвигался. Брячислав натянул кожаные рукавицы, в предвкушении схватки несколько раз сжал и разжал кулаки, проверил, легко ли выходит из ножен клинок, и перехватил удобнее рогатину с длинным обоюдоострым пером и крестовиной. С таким-то оружием хоть на медведя, хоть на кабана...

Князь был пеш. Верхом на кабана охотиться – только коня губить. Доберётся до коня матёрый зверюга, вспорот клыками брюхо доброй животине – поминай, как кликали и коня, и всадника. Брячислав, невзирая на новый побит верховой охоты среди иных князей, на крупного зверя всегда охотился пеше, прадедним обычаем.

Сегодня выжлятники посулили полоцкому князю знатную добычу – ходили слухи, что в здешних дебрях да болотинах живёт огромный – с быка! – вепрь, мало не сам Князь Вепрей, Сильный Зверь, прямой потомок Велеса, Скотьего бога, Владыки Зверья и Хозяина Охот. Вот и сейчас от такой мысли на душе у князя захолонуло, дохнуло древней тайной, гневом предвечных сил, одержавших мир. Брячислав передёрнул плечами, прогоняя оторопь, и перекрестился. Вроде полегчало. Тем веселее будет схлестнуться, – подумал он беззаботно, с каким-то детским упрямством и отчасти даже со страхом. – Поглядим кто кого – он-то, Брячислав, как-никак, по старым-то поверьям, тоже потомок бога, ни больше, ни меньше. Все русские князья – Дажьбожьи потомки, да не все об этом помнят.

Боязно было. Сильный Зверь есть Сильный Зверь, что там ни говори про сатанинские наваждения да силу креста и молитвы. Боязно было, невзирая на крест на груди. Крест крестом, а предвечная сила лесов никуда не девалась. Умные люди и Христу кланяются, и лесных Хозяев почитают. А кто и Велесу с Перуном жертвы по-прежнему несёт.

В мире огромное множество разных сил – и Христова вера – только одна из них. Есть тёмные силы, рать владыки тьмы. И есть просто иные силы. Стоящие опричь. Те, что были в этом мире ещё до пришествия веры Христовой. Даже и до появления человека.

Некрепок был в Христовой вере полоцкий князь, да и не с чего было – некогда в полоцком княжеском доме большую власть держала покойная ныне княгиня Рогнеда-Горислава Рогволодовна. Сама крещения не приняла от Владимира, и великий князь неволей презрел собственные слова про то, что «тот, кто креститься не придёт, ворогом мне будет». Не посмел собственную жену тронуть, хоть и бывшую. Тронь, пожалуй, – после беды не оберёшься. Полоцкие кривичи опальную княгиню приняли как свою вместе со старшим сыном, Изяславом.

Изяслав был крещён. Но он сел на кривский княжий престол ещё ребёнком – и двенадцати-то лет не было старшему Владимиричу. Потому всем в кривской земле заправляла Рогнеда, которая не допустила ни в Изяславле, ни по иным местам кривской земли кровавого крещения стойно Новгороду.

Может и не сошло бы с рук Рогнеде подобное, да только стояли за её спиной хмурые кривичи. То-то, должно, кусал в Киеве локти Владимир, что отпустил Рогнеду с сыном в кривскую землю. Ан поздно. А войну новую затевать с бывшей женой да с собственным сыном –

на посмешище всей Руси стать, возят стыда не иметь. Мало того, как бы не отложились и иные волости – Изяслав и Рогнеда могут стать новым стягом в борьбе с ним, Владимиром, да с киевским самовластием. Отложил Владимир на будущее, благо прочно увяз в крещении (Господи, благослови!) – то тут, то там вспыхивали мятежи, завязывались стычки. И Владимир всё откладывал и откладывал. А после – и Рогнеда-Горислава умерла, и Изяслав Владимирович вслед за нею, да и сам Владимир Святославич на свете после того не больно зажился. А после наследники Владимировы передрались меж собой, заливая Русь кровью, а Брячислав подрос и сам стал водить рати. И все как-то уже и привыкли, что в кривской земле всё ещё, даже и через полвека после крещения, сильны старые боги и старая вера. И глядели русские язычники на полоцкую землю с надеждой. С последней надеждой.

Так и сложилось, что, невзирая на крещение полоцких князей, христиан в их окружении было немного. Впору по пальцам пересчитывать.

Гон всё близился – рога ревели уже где-то в половине перестрела, глухо трещал валежник в паре десятков сажен, и отроки за спиной князя невольно подобрались, изготова луки. А самый ближний держал наготове запасную рогатину – подать князю в руки при нужде.

Звонко заливались хорты, одержимые самой сильной мужской страстью на свете, что для псов, что для людей-охотников – страстью охоты на чужую жизнь, тем паче, на такую могучую жизнь. Иной раз перед таким наслаждением даже и любовная ярь никнет.

Кусты и камыш вдруг с треском раздвинулись, и бурая туша со свирепым хрюком и рыком стремительно метнулась к людям.

Вот он, зверюга!

– С нами крёстная сила! – неволей вырвалось у переднего отрока, и он вспятил, со страхом глядя на чудовище. Князь же, напротив, сжал рогатину крепче и ринулся навстречь стремительной пятнадцатипудовой смерти.

Рогатина вонзилась легко, но ответный удар кабана мало не сломал древко. Воздух полоснуло тяжёлым пронзительным визгом, переходящим в утробный храп, вебрь рванулся, сиюсь достичь клыками если не самого князя, так хоть ратовище. Ан нет. Не преуспел лесной витязь, только всадил перо рогатины ещё глубже. Злобно хрипя, вебрь чуть попятился, но злой человек не отставал – нажал на ратовище, а пятку рогатины упёр в землю, прижимая ногой.

Держи! – мысленно выл Брячислав, моля и Христа и старых богов только об одном – выдержало бы древко, любовно выстроганное из держаной берёзы. Вебрь хрипел и жал, – казалось, сил у зверя только прибавилось.

Сзади со звонким лаем налетели хорты, вцепились в бока кабана. Зверь отворотился к псам, мало не выворотив рожон из раны, и в этот миг князь неуловимо быстрым движением покинул копё, очутился рядом с вепрем и всадил ему нож под лопатку – добрых восемь вершков холодного оцела.

Кабан рванулся вновь – воин, пусть и зверь, умирает в бою, не в мягкой постели. Да ещё и не одну жизнь вражью с собой заберёт. Отлетел с пронзительным визгом любимый княжий хорт, заскулил, пополз, волоча задние лапы и щедро пятная редкую траву кровью. Шарахнулись посторонь ещё два пса, остерегаясь жутких, уже попятнанных кровью клыков. Но и лесной воин уже оседал, валясь под натиском остальной своры, хрипел надсадно, ронял на землю и прошлогоднюю палую листву клочья розовой пены – ноги подламывались, ослабленные потерей крови.

Князь отошёл назад, отирая лёзо ножа жухлой травой и довольно улыбаясь. Кивком велел отрокам подобрать рогатину, всё же вырванную вепрем из раны.

– Что, Ярко, струхнул? – пошутил он, насмешливо глядя на бледного отрока с луком – тот и доселе не опустил оружия, хоть и видно было уже, что опасность миновала. – Вон, аж крёстную силу помянул...

Доезжачие захохотали, а отрок даже не смутился:

– А и струхнул, княже, – откровенно признался он, опуская, наконец, лук. – Экое страшилище...

Князь сунул клинок в ножны и оборотился к заваленному им зверю. Вепрь уже не сопротивлялся, только дёргал ногами, отходя в последних попытках встать, и хорты уже оставили наскучившую добычу. Брючислав подошёл ближе, с любопытством разглядывая тушу, густо заросшую рыжевато-бурым волосом. Присел рядом, меряя клыки.

Охотники глянули настороженно, но смолчали – никто не решился остеречь князя. Да и с чего бы – сила княжья только что явлена воочию, а зверь подыхает, так неужто князь Брючислав с полумёртвым вепрем не справится? Князю от богов и сила, и ловкость даны более, чем обычным людям.

Князь несколько мгновений глядел на кабанью морду, словно стараясь что-то разглядеть в маленьких глазках лесного воина. Но их уже затягивала мёртвая прозрачная пелена, пряча в глубине багровый огонёк.

Это – Сильный Зверь?

Приврали рассказчики.

– А и велики же глаза у страха, – бросил князь с презрением, вставая и выпрямляясь. Остальные охотники смолчали. Зверь, вестимо, был здоров, силён и свиреп, но до бычьих размеров ему было далековато, и, уж тем паче, не тянул он на Сильного Зверя. Просто большой кабан. Вепрь. И всё.

Выжлятники уже сворили хортов, вязали на длинные ременные поводья. Охотники шутили, хохотали, волокли туши забитых кабанов – секачей, свиней и подсвинков, мерялись и хвастали друг перед другом добычей. Всем было ясно, что наибольшая охотничья слава ныне княжья, но ему не завидовали – на то он и князь, чтоб у него всё получалось лучше иных. Уже трещал костёр, и вкусно тянуло жареным мясом, кто-то откупорил и пустил по кругу глиняную баклагу с медовухой.

– А всё ж главное-то стадо ушло, – сокрушённо бросил старый выжлятник в ответ на чью-то похвалу, глотнув из баклаги, утёр губы и вцепился зубами в горячий кусок мяса, шипящий, брызгающий салом и пахнущий дымом.

– Не жадничай, старик, – засмеялся князь, с наслаждением вдыхая полной грудью живой весенний воздух. – И так добыча хороша...

– Княже! – окликнул сзади Ярко. – Брючислав Изяславич!

Князь тоже глотнул из баклаги и оборотился – отрок стоял саженьях в полутора, а рядом с ним дружинный вой, которого тут не должно было быть, он остался в Полоцке — Нечай Неве-рич! Брючислав не глядя протянул руку с баклагой кому-либо и раскрыл уже рот, чтобы спросить у воя с чем тот прибыл. Но рука повисла в воздухе. Опрichь вдруг враз встал вой и скуление хортов, а среди людей, наоборот, пала тишина. Глаза Ярко округлились от непереносимого ужаса, он вспятил, указывая дрожащей рукой куда-то за спину князю. А вой замер на месте, бросив руку к ножу – шарил по ладно скроённому из турьей кожи поясу и никак не мог найти рукоять, хоть и мял пояс пальцами рядом с ней.

Князь уронил баклагу наземь и медленно-медленно оборотился, уже зная, что он там увидит. И всё одно остолбенел.

В прогале меж кустов стояло громадное бурое чудовище, злобно глядело на людей маленькими глазками. Не соврали весяне – и впрямь с доброго быка ростом в холке был вепрь. От него так и веяло какой-то первобытной силой, непререкаемой властью, предвечной жутью – ни у кого из охотников даже и мысли не возникло схватиться за рогатину или лук.

Впору было, стойно Ярко, шептать: «С нами крёстная сила!». Да только поможет ли?

Сильный Зверь несколько мгновений люто глядел на испуганных людей, потом утробно хрюкнул, неожиданно легко для такой огромной туши поворотился и почти бесшумно исчез

в зарослях. Среди охотников пронёсся единодушный вздох облегчения. Псы разноголосно скулили.

– А ну, друже, проверьте-ка – никто в штаны не наделал со страху? – зубоскалил неуёмный дружинный старшой Юрец.

Вои неохотно отбрехивались:

– Себя проверь!

– Эк какой шустрый после времени!

Князь нагнулся, подобрал обронённую баклагу – рука показалась чужой. Глотнул раз и другой, не чуя хмеля.

– Слухи ходят разные про Сильных Зверей, – негромко говорил кому-то рядом старый выжлятник. – Им от их прапредка Велеса дар оборотничий дан, они в людей оборотиться могут. Да и колдуны ещё. Эва, гляди-ка, нам глаза отвёл, в человека оборотился, да среди нас же и затерялся. А потом и вышел...

Верно, – подумал князь, почти не слушая. – Глаза отвёл и стадо увёл, слабых нам бросил. А княжья добыча – это кто-то из кабаньих воев жизнь за вождя отдал.

Князь, сам того не сознавая, мыслил уже про зверей, словно про людей. А чего ж...

А ведь этот вот Сильный Зверь в здешних местах и есть настоящий владыка, – смятённо подумал Брячислав. – А что они, люди, перед такой предвечной мощью? Как пришли, так и уйдут. А он, Сильный Зверь – останется.

Князь содрогнулся и зарёкся про себя на будущее охотиться в здешних краях. Вестимо, у людских князей одна власть, а у Лесных Владык иная, да только мало ль... Невестимо ещё, чем бы и ныне окончило.

– Княже, – вновь окликнул его Ярко из-за спины.

Хлопнув себя по лбу, князь оборотился – это ж надо было даже и забыть про гонца. Вой уже отошёл от испуга и глядел весело, разбойно-бедово. Князь вяло улыбнулся и негромко спросил:

– Чего у тебя?

– Весть к тебе, княже, срочная, – полочанин под княжьим взглядом приосанился и вскинул голову. Охотники невольно залюбовались – горд парень, ох и горд. Такого не враз и согнёшь, даже и перед княжьей волей.

– Что ещё за весть такая? – нахмурился князь. Ну что такого срочного и важного могли сообщить ему сейчас из Полоцка после того, что они только что видели? По спине вновь побежала морозная змейка, сводя кожу меж лопаток судорогой.

– Так... сын у тебя родился! – весело ответил вой и, не сдержав чувств, расхмылил во всю ширину рта. Глянул на князя радостно. – Наследник!

Брячислав, расслабленный радостью от удачной охоты, хмель и страхом от встречи с Сильным Зверем, не вдруг и понял. Отмахнулся было – будет, мол, болтать-то – да так и замер с поднятой рукой.

– Ну?! – неверяще переспросил он, впиваясь в вой взглядом. Во рту разом пересохло.

– Да... вот солнце, княже, – парень махнул рукой в сторону солнца и довольно улыбнулся. – Соврать не даст.

– Ну... – князь не враз и слова-то нашёл, чтоб ответить. Первое, что нахлынуло вдруг – какая-то странная слабость в ногах. Потом выросло откуда-то из глубин души неудержимое ликование, стремление прыгать по-мальчишечьи, вскочить на коня, куда-то срочно скакать. Ну как куда... в Полоцк, вестимо. Ан до Полоцка вёрст с полсотни. Ну и что же? Силу вдруг в себе ощутил – горы бы своротил. Снова повернулся к вою. – Какой награды для себя просишь?!

Сын, наконец-то сын... Брячиславу было уже за тридцать лет, а в таком возрасте сын – отрада. Особенно после трёх подряд дочерей – они с Путиславой в этот раз оба яростно надеялись, что будет сын. Сбылось. Теперь есть надежда, что Киев кривичей не подомнёт.

– Не, – весело отверг молодой вой, решительно мотнув разбойно-вихрастой головой, глянул озорно. – Никоторой награды не надо мне от тебя, княже!

– Чего так? – князь непонимающе выгнул бровь.

– А у меня тож сын родился, так потому, – всё так же весело пояснил вой.

Средь дружины прошёл удивлённый гул.

Князь расхохотался.

– Ну... коль так... чару ему!

Кто-то из ловчих протянул из-за спины баклагу:

– Чар с собой нету, княже, не обессудь, – с деланным сокрушением прогудел он.

– Выпей, – князь протянул вою хмельное. – За Брячиславича и Нечаевича. Так?

– Так, княже, – весело подтвердил Нечай, принимая княжье подношение, глотнул как следует. Покосился на князя, не отрывая баклагу от губ, понял, что можно ещё. Глотнул и ещё, и опять – как следует.

Уже на обратном пути, когда завиднелись в вечерних сумерках стены Полоцка, Брячислав негромко спросил у Нечая – вой ехал невдалеке и по первому знаку князя оказался рядом.

– Как сына-то назовёшь?

Нечай, помедля с полмига (негоже вслух произносить имя только что рождённого младеня, да ещё посередь леса), но всё ж решился. Уж кому-кому, а князю-то сказать можно, князь сам по себе – оберег:

– Несмеяном назвать думали.

Теперь если и слышала его нечисть лесная, ничего сделать мальчишке не сможет – он ведь не сказал, что мол, Несмеяном назвали. Думали только.

– У нас в роду всех старших сыновей на «не» кличут. Меня – Нечаем вот, отца моего Невером, а деда – Немиром.

– Крестить думаешь? – отрывисто и всё так же негромко спросил Брячислав.

Нечай замялся. Князь с любопытством ждал, уже заранее зная ответ – решится парень сознаться в приверженности к старым богам или нет. Всё ж Нечай решился (князь Брячислав никогда и никем не был замечен в числе ревнителей Белого бога христиан) и мотнул головой.

Князь только задумчиво покивал. Могущество старых богов, Древних Хозяев земли и народа своего он видел воочию только что на охоте. После такого что-то не тянуло кого-либо наказывать за сомнения в силе веры Христовой.

– Сильного Зверя-то видел ли? – спросил Брячислав вроде бы и невпопад. Спросил, словно забыл, что гонец был с ним рядом.

Нечай вздохнул тихонько, словно вновь переживая страх, и кивнул. Брячислав покосился на воя, чуть усмехнулся – в душе Нечая явно царила та же самая смесь из страха и восторга, которую испытал он, князь.

– Я вот и думаю – не знамение ли то мне Велес подать хотел, – всё так же негромко сказал князь. И намертво умолк, словно вспомнив что-то, о чём иным людям и ведать-то не след.

2. Кривская земля. Полоцк. Осень 1044 года, руян

Славен град Полоцк меж иными градами Руси! На высоком холме, поросшим густым лесом, меж реками Двиной и Полотой взметнул он вверх валы. Ремесленные посадки в буйной кипени садов сплошным потоком бревенчатых стен текли с холма к Двине и Полоте и растекались по широкому берегу. Над рекой, неумолчно галдя, реют чайки. А на гребне валов – рубленые клетки стен и островерхие шатры веж. Владимировы вои в прошлое разорение, семьдесят лет тому, так и не одолели могучую крепь и только через подкоп смогли пройти в крепость.

Всеслав подскакал к городовым воротам Полоцка после полудня – с дюжиной дружины, разбрызгивая воду из луж и швыряя из-под копыт ошметья густой липкой грязи. Сторожевые вои шагнули было навстречь, скрещивая копья, но тут же расступились, признав в переднем всаднике княжича. Не задерживаясь, Всеслав с дружиной влетел в ворота, вихрем промчал по посадку, распуская случайных встречных. Градские вжимались в заплоты, провожали взглядами забрызганных осенней грязью всадников – все уже знали, все ждали его. Время наступало на Полоцк, цвет его менялся, что-то новое надвигалось – одно заканчивалось, другое начиналось.

Улица метнулась навстречь, за домами качнулись серые волны Двины, горбились гонтовой чешуёй кровли Подола внизу, вдоль берега – рубленые ворота Детинца быстро оказались рядом – невелик ещё пока что град Полоцк, хотя и не мал – наступает на пятки и Новгороду, и Смоленску.

Чуть пригнувшись, словно входя в низкую дверь, Всеслав влетел в ворота Детинца. Рубленая притолока ворот прошла высоко над головой, но княжич всё равно привычно ощутил словно бы касание – как будто невесомой ладонью кто-то по макушке погладил-коснулся. Потому и пригнулся каждый раз княжич в воротах.

У крыльца княжьего терема Всеслав прыгнул с седла, бросил поводья подбежавшему дворовому слуге и ринул вверх по ступеням, разбрызгивая грязь с сапог. Строенный ещё треть века тому по отцову слову княжий терем не скрипнул ни одной ступенькой – навывкло дерево к своему княжичу...

Навстречь бросился кто-то из дворовых. Всеслав оборотился, сжав зубы, но сдержался, признав своего пестуна – гридня Бреня. Не дворовый, воевода.

– Ну?! – бросил княжич коротко.

– Жив, – так же коротко ответил пестун.

– Веди, наставниче.

Отец был жив, хоть и встать с постели навстречь Всеславу не смог – подлая немочь уже в третий раз за последние полгода приковала полоцкого князя к постели. И с чего бы – вовсе не стар был Брячислав.

– Здравствуй, Всеславе...

– Здравствуй, отче, – княжич припал лбом к холодеющей руке.

– Поднимись, – негромко, но властно велел Брячислав. От такого негромкого повеления, бывало, в иные времена кони шарахались. Теперь от могучего княжьего голоса только одёнки остались, но и того достало, чтоб сына встряхнуть. Княжич поднял голову. – Сядь.

Всеслав придвинул столец, поднялся и сел.

– Отче... – начал было он, губы запрыгали. Отворотился, унимая слёзы.

– Покинь! – велел князь, морщась. – Не сепети, не баба. Дело слушай.

– Да, батюшка, – княжич сплотнул, утёр слёзы. Тряхнул головой, отгоняя навалившуюся стыдную слабость. И впрямь, не баба, воин уже! – Говори.

– Я думаю, ты слышал байки про то, будто твоя мать родила тебя от волхвования... – Брячислав трудно закашлялся, сплюнул в подставленный княжичем платок. Дверь чуть при-

отворилась, просунулась просительно чья-то голова, княжич свирепо зыркнул в ту сторону взглядом, и голова мгновенно исчезла. Всеслав не успел разглядеть, кто это был – должно быть, кто-то из теремной челяди.

Наушники епископли.

– Слышал, – подавленно прошептал княжич. Неуж отец сейчас скажет, что это правда?

– Верил? – требовательно просипел князь.

– Нет, – как можно твёрже отверг Всеслав.

– Правильно, – отец снова кашлянул, но от нового приступа кашля сдержался. – И никогда не верь. Бабы сплётки.

Он перевёл дыхание – в груди свистело, словно гудок играл скомороший.

– Они... они там болтают, будто ты, как Волх Славьич, от самого Велеса рождённый... – Брячислав криво усмехнулся. – Не верь. В рубашке ты родился, то верно. Так ведун от той рубашки кусочек засушил и велел тебе, не снимая, на шее носить.

Княжич невольно коснулся рукой кожаной ладанки с тиснёным Велесовым знаменом. Сколько себя помнил, столько она на шее и висела. А когда спрашивал – для чего да зачем, отец всегда отвечал – будет время, узнаешь. Пришло время, стало быть.

– Да, – чуть заметно кивнул князь. – Это она.

Всеслав ощутил лёгкое разочарование. Он никогда до конца не верил в слухи о своём рождении, но всё-таки... что-то свербело на душе, хотелось необычного. Все мы в отрочестве мечтаем о необычном.

Отец бросил на него косой взгляд:

– Волхования не было... но не всё просто в твоём рождении...

Княжич вскинул глаза.

– Я тебе не рассказывал... У меня сыновей, oprичь тебя... сам знаешь, нету. Когда твоя мать покойная в третий раз родила девку... я ведун позвал.

Всеслав затаил дыхание. Первая дочь Брячислава не прожила и одного дня, даже и имени не нарекли ей. Вторую, Станиславу, он, Всеслав, не видел уже несколько лет, с самого её замужества. С третьей, Мировитой у них было всего четыре года разницы и всего два года прошло, как отец отдал её замуж. И только младшая Берислава бегала ещё по двору – она была младше даже Всеслава, и её рождение унесло жизнь матери, бывлой княжны менских дреговичей Путиславы.

– Ведун порчи никакой не нашёл, заговоры, какие надо, прочитал... – князь захрипел, отдышался и продолжил. – А на следующий год... ты родился. Отсюда слух и пошёл... К тому же и волхв Славимир...

– Учитель? – сморщил лоб Всеслав.

– Да... – Брячислав перевёл дух. – Он был в Полоцке во время твоего рождения, он волхвовал, приносил жертвы...

Княжич нетерпеливо кивнул – понимаю, мол.

– Есть и иное, – тускло сказал отец. – Никогда не бывает дыма без огня. Наклонись ко мне. Ближе.

От князя шёл лёгкий, чуть кисловатый запах старческой немощи, схожий с запахом старого воска. А ведь не стар ещё совсем отец, – подумал Всеслав невольно. Горячее дыхание Брячислава почти обжигало ухо.

– Ты уже не мальчик, должен понять... – свистящим шёпотом сказал князь. – Когда я БЫЛ с твоей матерью... когда она тебя понесла... словно кто-то могучий был во мне. Чей-то дух, какая-то сила...

Всеслав приподнял голову, внимательно поглядел отцу в глаза – вблизи, в упор.

– Отче...

– Молчи! – отец зажмурился. – Я никогда не говорил и не скажу, что ты – не мой сын! Моя кровь! Ты во всём на меня схож! Но был тогда кто-то ещё... во мне. Его дух теперь в тебе. Смекай сам, Всеславе...

– Чей? – спросил Всеслав помертвелыми губами, невольно затаив дыхание.

– Когда ты родился, я на охоте был, – Брячислав открыл глаза, глянул на сына слезящимся взглядом. – Случилось там со мной... нечто... Видел я настоящего Сильного Зверя, прямого потомка самого Велеса.

– Ты же христианин, отче, – неосторожно укорил княжич. Не сдержался. И тут же прикусил язык. Отец не обиделся.

– Да какие мы христиане, – насмешливо ответил он. – Сколько в нас того христианства? Так... шелуха луковая...

– И... что?.. – недоверчиво спросил Всеслав.

– Верь, – хрипло возразил отец. – Ты избран богами. Ты отмечен самим Велесом!

Помолчали несколько мгновений.

– Крестить я тебя, вестимо, крестил – епископ настаивал, – закончил князь. – Но...

– Я должен восстановить старую веру? – требовательно спросил княжич, неотступно глядя в глаза Брячиславу.

Князь долго молчал.

– Отче?! – чуть испуганно и вместе с тем вопросительно.

– Я не знаю, – ответил, наконец, Брячислав. – Может быть. Решай сам. С волхвами поговори, с учителем своим, Славимиром. Сердце своё слушай – если ты и впрямь Велесом избран, поймёшь.

Князь снова замолк. И опять надолго.

– Может, уже и поздно. Надо было тогда ещё помочь Святополку... Как следует помочь, не так, как я помогал...

– Как?! – поразился Всеслав. – Так он же... братоубийца! Хуже Владимира!

– Грек болтал? Епископ? – криво усмехнулся князь. – Не верь. Это Ярослав их убил. Я – знаю!

– Откуда? – в пору было челюсть подвязывать, чтоб не отвисала. Отец же только опять криво усмехнулся и повторил:

– Знаю. И ты – знай. И не жалей. Грехи отцов падут на детей... до седьмого колена...

– А ты...

– А я – со Святополком был, да! И к Любечу шёл, ему на помощь, да не поспел. До сих пор жалко... А после... сробел. Выжидал. Оборонялся. Ждал всё, когда Святополк на север пойдёт. Тогда, мол... Да и возревновал, пожалуй, к нему... А теперь, наверное, уже поздно. Тогда! Тогда ещё можно было всё поворотить иначе... Ныне... на одну нашу кривскую землю надежда... последняя надежда...

Отец смолк, горячечно дыша. Опять сплюнул – липкая, тягучая слюна с прожилками крови потекла по подбородку. Всеслав утёр слюну, отбросил безнадёжно испачканный вышитый плат.

Мысли мешались, скакали испуганными зайцами – слишком много нового, неведомого прежде для княжича, сегодня открыл ему отец. Всеслав словно стоял перед отверстой бездной, на дне которой был ответ – кто он и что должен в жизни совершить.

Дверь снова отворилась, просунулась голова в чёрном монашеском клобуке. Лицо его при виде Всеслава скривилось, монах открыл было рот, но наткнулся на вмиг оледенелый взгляд княжича и захлопнул дверь.

– Ждут, вороны, – процедил неприязненно Всеслав. – Не терпится...

Полоцкий князь Брячислав умер в ту же ночь. Умер тихо, почти не приходя в память.

В тайну своего рождения Всеслав поверил сразу. И во всё иное – тоже. Не стал бы князь Брячислав врать своему сыну и наследнику на смертном ложе. Не в его духе, да и незачем.

Епископ Мина настаивал похоронить князя Брячислава в построенном им же соборе Святой Софии. Семиглавая пятинефная белокаменная громада высилась на Замковой горе над городом, и правильно и достойно было бы похоронить князя, построившего собор, прямо под полом того же собора, хоть и недостроенного.

Правильно. Достойно. По-христиански.

Но Всеслав отказал.

Воля отца была для него, вестимо, святее воли епископа и христианского обычая – тем паче, чужого для него самого обычая. А Брячислав ясно завещал схоронить его по старинному кривскому обычаю, в кургане за городской стеной, меж двумя городами, им построенными – Полоцком и Брячиславлем. Рядом с курганами славных предков – прадеда Рогволода, сыновей Рогволодовых, Витослава с Буриваем, бабки Рогнеды, отца Изяслава, матери, Гостивиты.

Единственное, на чём смог настоять епископ – отпеть князя в церкви (начатое Брячиславом строительство собора так и не было ещё завершено, и отпевали князя в деревянной церкви в Детинце).

Проститься со своим князем пришёл весь Полоцк – только совсем малые детишки да немощные старики остались дома. Площадь меж церковью и княжьем теремом запрудило народом. Стояла тишь, только беспокойные весенние птицы изредка подавали голос на кровлях терема и церкви.

На красном крыльце терема показались вои с белодубовой колодой на плечах, и над площадью встал плач, тут же заглушённый птичьим гамом – галки и грачи взвились в небо и реяли над толпой беспокойной чёрной стаей.

Дубовая колода плыла в толпе, раздвигая людей, словно корабль воду, видны были только непокрытые бритые чубатые головы несущих колоду воев, да чётко выделялось над краем колоды и белым саваном худое остроносое лицо покойного князя. Следом за колодой шла княжна Берислава, и Всеслав поддерживал её под руку – ноги сестру почти не держали, и если бы не братня помощь, неведомо, и устояла ли бы она.

Уже в церкви, когда колоду с телом князя, дождав до конца прощания и прикрыв такой же дубовой кровлей, понесли к выходу, чтобы на площади погрузить на сани и отвезти к заготовленной за городской стеной могиле, князь остро ощутил на себе неприязненный взгляд епископа Мины – не любит его иерей, о чём-то догадывается. Ещё как бы смуты не случилось ныне, по батюшковой-то смерти.

Пресвитер густым басом возгласил: «Со святыми упокой!», люд закрестился, и Всеслав снова встретился взглядом – на сей раз не с епископом – с пресвитером Анфимием. Грек смотрел на князя неотрывно и с какой-то странной, неуместной даже мольбой, словно он и сам не хотел верить в слухи. Княжич (а не княжич уже – князь!) выпрямился, сцепив руки на поясе, и встретил взгляд пресвитера прямым и честным взглядом.

Не покривлю душой! Пусть его знает, почём фунт лиха!

Некрещёных в церковь сегодня – проводить своего князя – набилось немало из числа полочан. Но одно дело градский, пусть даже и не простец, купец тороватый, пусть и боярин даже, и ино дело – князь! Глава земли! Да ведь и крещён князь!

Всеслав сжал зубы. И так и простоял до самого конца зауспокойной службы, не отрывая взгляда от чёрных, как маслины, скорбных глаз Анфимия.

Креститься не стал – рука не поднялась.

3. Кривско-словенская межа

Лето 1045 года, зарев

По опушке тянулась редкая цепочка всадников – в стегачах и клёпанных шеломах – десятка два. И только по знамени на щитах – оскаленной морде Белополя Белого Волка, родоначальника кривских князей – в них можно было признать младшую дружину юного полоцкого князя.

Всеслав ехал, довольно вдыхая привольный лесной воздух, напоённый летними запахами – нагретой смолой, перспелой клубникой, сеном – лето было жарким, травы и ягоды сохли на корню.

Княжий конь вдруг захрапел, приплясывая на месте, упёрся всеми четырьмя копытами.

– Ну, чего ещё?! – Всеслав недовольно толкнул его пятками в бока. До чего ж хорошо было ехать сейчас по лесу, не думая о трудных хозяйственных княжьи дела, что навалились на него со смертью отца.

Конь упрямо мотал головой и тряс гривой. Не шёл.

Вои сгрудились рядом – их кони тоже беспокоились, хоть и не так сильно, как княжий. Всеслав спешил, погладил коня по храпу, успокаивая:

– Ну, Воронко, чего ты?

Конь храпел, косил налитый кровью глаз, пятился.

Князь гневно глянул опричь.

– Кто мне скажет, чего с ним?

– Чует что-то, – глубокомысленно сказал рыжий вой, такой же мальчишка, как и князь, только прошлым летом опоясанный.

– Вестимо! – бешено фыркнул князь, ожёг парня взглядом. – А что чует-то, Несмеяне?

– А эвон, – коротко сказал пестун Брень, указывая плетью на опушку. И вои тут же умолкли.

В тени деревьев, в чапыжнике – не вдруг и увидишь – стоял огромный медведь. Лесной хозяин. Священный зверь самого Владыки Зверья Велеса.

Стоял на задних лапах, тихо урчал, неотрывно глядя в сторону людей. Не двигался с места. Словно ждал чего-то.

Другой молодой вой, русоволосый сын воеводы Бреня потянул из налучья лук.

– Покинь! – прошипел Всеслав неожиданно сам для себя – его словно накрыла чья-то могучая воля, он понял – стрелять сейчас нельзя ни в коем случае. – Оставь лук, Витко!

Парень замер. Сквозь храп коней слышно было только, как стало чуть громче сопение медведя. Зверь не двигался.

Ждал.

Всеслав спешил, бросил поводья Несмеяну.

Шагнул навстречь зверю.

– Княже! – закричал парень шёпотом.

– Смолкни, – коротко велел вою Брень, толкнув кулаком в бок, и Несмеян тут же умолк, как отрезало – дух перехватило от несильного вроде бы тычка дружинного старшего и княжьего пестуна. Ишь чего выдумал, вой, – князю перечить. Видано ль?

Дружина сгрудилась за спиной – два десятка неробких парней и мужей, бывавших уже и в походах и в боях, стояли словно испуганные дети, глядя в спину своего господина, который походил вплотную к чудищу.

Так, словно делал это каждый день – спокойно и уверенно.

Так, словно знал, что делает правильно.

А может и знал. Князя всегда ведают верное решение. А как только перестают ведать, так и князьями быть перестают.

Всеслав приблизился к медведю сажени на полторы, остановился, глядя в глаза зверю. Лесной Хозяин бурой глыбой навис над головой, маленькие глазки глядели пристально, мерцая тусклым багровым огоньком.

На несколько мгновений для князя перестало существовать всё – и княжество, и Полоцк, и смятённые вои позади. Всего на несколько мгновений. Потом зверь, фыркнув, словно отгоняя муху, мотнул головой в сторону от леса, к северу, коротко рывкнул, пал на четыре лапы и мгновенно скрылся в чаще – бесшумно, словно призрак.

Князь, вздрогнув, очнулся.

Медведь исчез, словно наваждение. За спиной нарастал конский топот – вои уже скакали к нему, испуганные и обрадованные.

– Да ты что ж, княже? – недовольно бросил Брень. – Разве ж так можно?!

– Угомонись, наставниче, – устало бросил Всеслав. – Надо так было...

– Да почто? – непонимающе переспросил гридень.

– Не простой это медведь был, – бросил князь, прыгая в седло. – Совсем не простой.

Вои молчали. Вестимо, не простой.

– Чего-то он хотел... – задумчиво сказал князь, подбирая поводья. Конь слушался без слова. – То ль про меня понять чего-то, то ль мне что-то сказать...

– Кто – он? – не поняв, удивился Брень. – Медведь-то?!

– Почему – медведь? – возразил Всеслав вяло. – Сам Велес, вестимо...

Он осёкся, глянул в северную сторону.

– А.. там – что?

Несмеян ответил, чуть морщась:

– Межа близко, Всеслав Брючиславич. Новгородская межа...

Пестун Брень ожёг парня косым взглядом, но тот и сам уже съёжился, поняв, что опять высунулся наперёд гридня.

– Ну? – с весёлой злостью бросил Всеслав. – И где ж она, Несмеяне?..

Не любили в Полоцке новгородцев. Хорошо сидел в памяти полоцкий погром, хоть и минуло с того уже семьдесят лет. Хоть и вдосталь отместили полочане Новгороду при Брючиславе-князе за Владимиров разор, ан после того Ярослав побил их на Судоме – и долг мести опять возрос. И князь Всеслав, истый кривич и полочанин, исключением не был – преклоняясь перед памятью деда Изяслава, прабабки Рогнеды и пращура Рогволода, новгородцев не любил.

– За тем вон колком, – Несмеян указал на небольшой берёзовый лесок. – Там за ним речка... так и зовётся – Межа...

Всеслав криво усмехнулся.

– А ну-ка... поглядим на неё.

И уже приближаясь к колку, Всеслав почуял вдруг в воздухе нечто странное. Князь ещё не успел понять, ЧТО именно, как Несмеян за спиной сказал:

– Дымом пахнет, княже.

Пахло дымом, но не так, как пахнет от доброго костра охотников или рыбаков. Не было и тягучего духа гари, как от огня углежогов или дегтярей. Пахло горелым дубом, тянуло чуть сладковатым запахом горелой плоти. А над деревьями уже вставал тягуче-чёрный столб дыма – горело что-то за межой, в новгородский волости.

Всеслав колебался всего мгновение – в конце концов, там, на Новгородчине живут такие же кривичи, как и его полочане! Вытянул коня плетью и бросил его вскачь. А дружина с радостным гиком сорвалась следом, горяча коней – каждому любя молодецкая скачка, да и руки потешить мечом, коль доведётся, князю славы да чести себе добыть!

Речка Межа оказалась ручьём в три сажени шириной, не больше. Небось и в глубину не больше сажени будет, а то меньше, – успел подумать Всеслав. И тут же с другого берега раздался пронзительный женский крик.

От ближней опушки к берегу речки бежала женщина – в белой одежде. Разглядеть пока что можно было плохо, но для того, чтоб понять, что не простая жёнка бежит, не надо было обладать ястребиными глазами или семью пядями во лбу.

Следом, весело гогоча, скакало с десятков конных – с весёлым присвистом, размахивая плетями. Окольчуженные, с новгородским знаменом на щитах.

Десяток молодых здоровых лбов, пригодных на что-то иное, более достойное, чем погоня на конях за женщиной.

Всеслав скрипнул зубами, коротким кивком дал своим разрешение. И пала тишина, нарушаемая только конским фырком да скрипом натягиваемых тетив.

А преследователи ничего и никого не видели опричь своей уходящей добычи. Досадно, коль сорвётся потеха.

Передний на скаку вскинул сулицу, целя в ноги жертве. В ноги, чтоб живой схватить беглянку.

Потешиться, силушку молодецкую побаловать.

Всеслав коснулся натянутой тетивой подбородка, шевельнул рукой, выцеливая, поймал острым жалом стрелы цель, задержал дыхание и отпустил тетиву. Стрела змеино свистнула и отыскивала добычу. И пронзительный вопль вмиг нарушил всё веселье новгородских воев.

Девушка (теперь ясно было видно, как длинная коса бьёт её по спине) не оглядывалась. В несколько вздохов, подаренных Всеславом, она достигла Межи и, не раздумывая ни мига, бросилась в воду.

Речка и впрямь оказалась мелкой, даже и сажени не было – девушка шла всего лишь по грудь в воде.

А ретивый вой, что целил в неё сулицей, бился на траве, щедро поливая её кровью и слясью ухватить левой рукой правую, которую широко вспорол срезень Всеславлей стрелы. Двое других бестолково суетились около него, а остальные доскакали до Межи и остановили коней, косясь на Всеславичей.

– Кто таковы?! – хрипло каркнул один, по виду – старший. Хотя миг назад Всеслав готов был поклясться, что старший – тот, в кого он стрелял.

Всеслав, не отвечая, подскакал к самому берегу, дожидаясь беглянку. А она выбралась из воды и стояла, мокрая и грязная, не зная кому сейчас верить. Теперь и князь видел, что это вовсе не мужняя жена или честная вдова, а девушка – длинная коса выбилась из-под почёлка, растрепалась и запачкалась. Князь протянул руку, наклонясь с седла, девушка подняла голову, и Всеслав поразился – она была совсем молода, вряд ли старше него, князя. И ещё одно, чему князь поразился не меньше – богатый почёлок, множество оберегов, коса заплетена особым побытом – волхвиня.

Но думать тут было некогда: новгородцев хоть и много меньше, а одной шальной стрелы хватит, чтоб князя или волхвиню повалить.

– Хватайся за руку, ну! – велел Всеслав, подрагивая ноздрями в гневе на себя и на неё.

Девушка глянула пронзительным взглядом, словно насквозь его видела. И, не колеблясь больше, неожиданно сильно ухватила князя за руку, рывком вскочила на седло впереди Всеслава.

– Кто таковы, спрашиваю?! – громче заорал новгородский вой. – Она ведьма, мы должны её сжечь!

Несмеян, видя, что князю некогда и что Всеслав ни в коем разе не расстанется теперь со своей добычей (да и как расстанешься-то – смерть, как хороша девка), под весёлый гогот

полочан подробно ответил, что именно следует сжечь новгородским воям. Брень вновь неодобрительно покосился на него, но смолчал – ясно уже было, что на слом ТЕ не полезут.

– Да вы кто такие?! – заорал в бессильном гневе новгородский вой, словно не видел на щитах полочан княжьего знамени. – Мы её у князя вашего потребуем!

Полочане захохотали так, что с ближних деревьев тучей взлетели птицы. Новгородец густо покраснел, видно, что-то поняв, потом решительно махнул плетью, словно говоря «а, плевать!» и заворотил коня. Да и чего он мог сделать с десятком-то воев против двух десятков на чужой-то земле? Эвон, межевой-то столб щерится волчьим оскалом – не зря говорят, что на своей земле и стены помогают. А уж столбы межевые, издавна чародейством полные – тем паче. Простую межу порушишь, поле своё прирастишь – и то духи огневаться могут. А тут, шутка ль – между двумя княжествами межа. Да ещё полоцкая межа – мало ль там у них меж болот, чародеев всяких... у язычников-то.

Всеслав, накинул на жрицу тёплый плащ – девушку била крупная дрожь – выходил вместе с речным холодом запоздалый страх.

– Ты полоцкий князь? – неожиданно спросила сильным грудным голосом.

– Он самый, – Всеслав поправил плащ и кивнул воям. – Едем, ребята.

– Хвала нашему князю! – заорал вдруг в восторге Несмеян.

– Хвала! – дружно подхватили вои.

– Спаси тебя боги, княже Всеслав, – негромко сказала жрица.

– Звать-то тебя как?

– Бранимирой люди кличут, – после совсем незаметной заминки ответила девушка.

– Непростое имя, – словно бы невзначай обронил Всеслав. – Пожалуй, что и княжье.

– Мои предки словенскими князьями были, – кивнула девушка. – Давно, ещё до варягов, до Новгорода того. У меня сам Волх Славич в предках. Ныне наш род измельчал...

Князь отлично понял то, чего не договорила Бранимира – род измельчал, но кровь наша всё ещё имеет значение. Весело мигнул:

– Волхвиня?

– Да, – Бранимира наконец перестала дрожать – постепенно согревалась. – Макоши служила...

– А они? – Всеслав мотнул головой, указывая себе через плечо.

– «Владимиричи»¹, – волхвиня недовольно засопела. – Новгородского князя вои. Храм сожгли... думала, уж не уйти мне...

– А не Остромировы? – вмешался Брень. – Мне показалось, знамено у них посадничье?

– Не ведаю, – устало ответила Бранимира. – Да и не всё ль равно, в конце-то концов?

– И то верно, – согласился Всеслав, прижимая волхвиню к себе и чувствуя сквозь корзно, как проходит у неё мелкая холодная дрожь.

Трещал меж деревьев костёр, бросая постороннь корявые, ломано-гнутые тени, плясал на лицах багровыми отсветами. Со спины медленно и неумолимо подбирался лесной почти осенний холод, а лицо щипало от кострового жара.

Волхвиня невольно жалась к огню – её одежда доселе не просохла – и куталась в княжий плащ. Всеслав сидел рядом, то и дело заставляя себя отвести взгляд от точёного девичьего лица, от прямого тонкого носа и длинных ресниц, от огневого блеска в глазах и покатых, облепленных сырой тканью плеч – не обиделась бы девушка. Волхвиню обидеть – век удачи не видеть.

Вои жарили на углях мясо наспех выслеженного дикого подсвинка, над поляной тёл дразнящий запах, в глиняных чашах плескались варёный мёд и сбитень.

¹ Т.е. воины новгородского князя Владимира Ярославича, сына Ярослава Мудрого.

– Слышала я про тебя много странного, Всеславе Брячиславич, – задумчиво говорила Бранимира, шурясь на огонь. – Невестимо даже, чему в тех слухах верить, а чему – нет...

– Умный человек сам знает, чему ему верить, – уклончиво бросил Всеслав.

– И это верно, – волхвиня невесело засмеялась. – Говорят люди, будто на тебе благоволение самого Велеса...

– Ну уж и благоволение! – не сдержался князь. Отвёл глаза под внимательным взглядом девушки и сказал уже тише. – Отметина Велесова – это верно.

– А что за отметина? – с любопытством спросила Бранимира, подхватывая с углей чашу со сбитнем – пряный медовый напиток грозил закипеть и выплеснуться в огонь. Со вкусом отхлебнула, весело глянула на князя. – Покажешь?

– Да она незримая, – нехотя ответил князь. – Говорили мне многие, будто рождение моё Велесом отмечено... знамение отцу моему было.

Волхвиня слушала рассказ Всеслава о Сильном Звере с любопытством, иногда внимательно взглядывая князю в лицо и не забывая прихлёбывать из горячей чаши.

– Верно говорил тебе отец, – сказала она задумчиво, когда Всеслав договорил. – Такое проста не бывает. А та... рубашка, в которой ты родился... она и сейчас с тобой?

– А как же? – князь усмехнулся. – Матери ведун велел из неё оберег для меня сделать, и чтобы я носил, не снимая.

– Взглянуть позволишь?

Всеслав, сам себе удивляясь, потянул через голову гайтан.

Бранимира, не касаясь оберега руками, несколько мгновений разглядывала кожаный мешочек с тиснёной на нём медвежьей головой с одной стороны и знаком Велеса с другой, потом кивнула:

– Сильный ведун оберег делал... Велесова воля и впрямь с тобой, княже. Избранный ты...

– Знать бы ещё – для чего? – хмуро бросил Всеслав, надевая гайтан на шею и пряча мешочек под рубаху.

– Придёт время – узнаешь, – заверила волхвиня, допивая сбитень и отставляя чашу в сторону. Обняла руками колени и уставилась в огонь – охота говорить у неё пропала.

Всеслав тоже умолк, залюбовался.

Ломаный багровый свет костра плясал на тонком девичьем лице, отражался огоньками в серых глазах, играл отсветами на толстой косе, перекинутой через плечо, блестел на бисерной вышивке почёлка и рубахи.

– Что смотришь, княже? – спросила вдруг волхвиня. – Нехороша ведьма?

– Хороша, – сказал князь невольно, спохватился. Отвёл глаза.

Девушка засмеялась – тепло и по-доброму.

4. Кривско-литовская межа. Осень 1057 года, рюян

Над лесом стояли столбы дыма – горели вёски в закатной стороне, совсем недалеко отсюда. Тянуло гарью, горьковатый дым щекотал нёбо, свербело в носу.

Полоцкая дружина несколькими конными полками стекалась к опушке, где хлопал на осеннем промозглом ветру стяг Всеслава.

Молодой полоцкий князь стоял у самой опушки на невысоком пригорке, а за спиной двое воев держали под уздцы княжьего коня, черного, как смоль, Воронка. К Всеславу то и дело подлетали всадники-вестоноши, не спешиваясь, что-то говорили, выслушивали ответные указания, коротко кивали, заворачивали коней и уносились прочь – передать княжью волю полкам.

На кривскую землю в который уже раз за четырнадцать лет княжения Всеслава пришла война.

Литовская рать шестью полками перешла межу, сожгла межевой острог и, рассыпавшись в зажитье, зорила погосты и вёски кривичей. Две сотни межевой стражи, чудом уцелев при защите острога, отступали на северо-восход, к Полоцку, щипая по лесам отдельные литовские сотни.

Всеслав уже знал о набеге всё.

То, что литовская рать насчитывает не меньше полутысячи воев.

То, что литву ведут сразу шестеро князей, и особого согласия меж ними нет (прямо как у нас на Руси! – усмехнулся про себя Всеслав, прослышав про это).

То, что оружны литовские вои похуже кривских. Доспехи даже в княжьей дружине у большинства стёганные (а у многих и доселе доспехи из роговых, копытных да костяных пластин, нашитых на кожаные, суконные и полотняные свиты), кольчуги только у князей да старейшин.

То, что в поход литовские князья привели в основном молодёжь – погулять да войсковому делу поучить – во всей рати бывалых воев едва сотни две наберётся. С самими князьями вместе.

Поэтому Всеслав никакого страха не испытывал – только уверенность. В его дружине к опушке собралось уже три сотни воев, а следом поспешали ещё два полка – тоже не меньше трёх сотен – ведомые пестуном, воеводой Бренем.

Попала литва, как кур в оцеп.

Последнюю мысль Всеслав невольно повторил вслух. Хорошо повторил, со вкусом, чуть ли губами не причмокнул.

– Это точно, княже, – тут же подхватил кто-то за спиной. Не угодливо подхватил, а потому, что князь сказал верно.

Всеслав покосился через плечо – Несмеян, вестимо, рыжий оторвиголоу. Как и велело его назвище, никто никогда не видел, чтобы Несмеян смеялся. Он и улыбался-то редко, и шутил так же.

– Что, Несмеяне, не терпится? – усмехнулся князь коротко, показав клык.

– А и не терпится, княже, – признался вой простодушно. – До зела душа болит глядеть, как они по нашей земле ходят свободно.

– Ничего, – заверил Всеслав. – Недолго уже осталось, вот только ещё одного гонца от наставника дождёмся...

Беспокоило совсем иное – оставил Бранимиру на сносях, на девятом месяце. По всем бабьим приметам выходило, что будет опять сын. Казалось бы, и беспокоиться нечего, а всё ж грызло Всеслава беспокойство.

Гонец примчался через какой-то час.

– Откуда?! – князь так и подался навстречь спешивающемуся вою в долгополой свите. – Воевода Брень послал?!

– Из Полоцка, княже!

Князь переменялся в лице – кровь вмиг отхлынула.

– Ну? – осиплым голосом бескровными губами.

– Сын у тебя, княже Всеслав!

Сын!

Уже третий после Рогволода да Бориса – быть ему Глебом (давно уж сговорились с Бранимирой назвать третьего сына по её отцу! да и вослед Борису в память о том Глебе, погибшем полвека тому!).

Всеслав закусил губу, сжал кулаки, словно торжествующий мальчишка. И почти тут же опомнился.

Княгиня?

Князю достало только бросить на гонца тревожный взгляд – тот вмиг понял.

– Княгиня твоя, княже, Бранимира Глебовна, в полном здравии, и тебе поклон передавала.

Князь отворотился, справляясь с невестимо откуда нахлынувшими слезами – недостойно потомку Велеса плакать на глазах у воев.

Выручил топот конских копыт – второй гонец. Всеслав вмиг осушил глаза и поворотился к всаднику.

– Воевода Брень вступил в бой и гонит литву сюда! – торжествующе прокричал тот.

– Добро, – процедил князь торжествующе. Вскочил в седло, одним едва заметным движением рук окоротил норов Воронка, оборотился и кивнул трубачу. Тот, уловив княжий кивок, вскинул к губам оправленный в серебро рог, и звонкий звук разнёсся над полем.

Конница хлынула из леса, ломая кусты.

Полки Всеслава сминали одну литовскую рать за другой, оттесняя к самой меже, сбивая рати литовских князей в кучу, выгребали из пущей частым неводом, словно зайцев в нерето ловили.

И уже через два дня, отогнав вёрст на полста, замедлили бег коней.

Литва строилась для боя.

Хотя строилась – сказано громко. Сбивалась в кучу – верно. Литвины, как любые лесные вои (как, впрочем, и сами кривичи), не любили и не умели биться в строю. Да им это было и без надобности – в лесной войне главное умение – вовремя ударить и скрыться в необозримых пущах. На это литва, да и кривичи тоже были большие мастера.

Но на этот раз дело было не в их пользу – Всеслав вынудил литву к правильному бою.

Однако от боя они уклониться и не подумали. Трусов среди них не было.

Всеслав кривил губы, разглядывая неровный, мятущийся строй литовский рати.

Биться не хотелось.

Он и так уже победил, просто вытеснив литву к меже. Дальнейшее было предопределено – прямого боя литве у кривичей не выиграть, тем паче при почти равных силах. Тем паче, когда у литвинов над ратью сразу шесть князей стоят. Плохо, когда нет над войском единой власти.

Помог бы, господине Велес, – сказал князь про себя вроде как не взаболь, для смеху, и почти тут же испугался своих мыслей. Да и чем ему Велес ныне поможет? Войский бог не Велес, а Перун... тут его воля.

И почти тут же с поля, со стороны литовской рати послышался рёв рога. Кто-то звал на поединок.

Всеслав кинул руку ко лбу, прикрывая глаза от бьющего солнца – литвины умно выбрали место, так, чтобы солнце светило в глаза кривичам. Иное дело, что им это и не поможет.

От литовского строя отделился всадник на богато убранном гнедом коне. Алый плащ висел за плечами, трепетал на ветру, открывая серебряную кольчугу кривской работы (смоленских или новгородских мастеров!) поверх зелёной суконной свиты, сафьяновые сапоги и безрукавку волчьего меха.

Неуж князь? Всеслав Брячиславич приподнялся на стременах, вглядываясь.

– Эй, кривсы! – раскатился над полем сильный зык литвина. По-словенски он говорил чисто, почти как прирождённый кривич. – Где ваш князь, я должен его видеть!

Всеслав тронул ногой коня, выехал из строя вперёд.

– Чего тебе надо? – отозвался он, останавливаясь, чтобы не подъехать слишком близко. А и непочто. И без того много чести. – Кто ты такой?!

– Ты хочешь воевать со мной и не знаешь, кто я такой?! – захохотал литвин.

– А мне непочто! – возразил Всеслав. – Это ж ты к нам приволокся, хоть и не звали мы тебя! А я у своих врагов назвища не спрашиваю – была бы шея только, чтоб мечом рубануть!

Литвин тоже остановил коня – саженьях в двадцати от Всеслава. А и не стар ещё, – отметил про себя полоцкий князь, разглядывая светло-русые волосы и длинные вислые усы литовского князя. Тот приехал с непокрытой головой, а клёпанный шлем (тоже словенской работы!) держал в левой руке. Князь литовский и впрямь не был старым – лет сорок, не больше. А то и сорока-то ему не было.

– Это ты здешний кунигас, которого Всеславом кличут? – высокомерно бросил литвин, глядя поверх головы Всеслава.

– Положим, я, – не менее высокомерно ответил полоцкий князь. – И что с того?

– Я тоже кунигас у своих налышан! – в голосе литвина появилась сварливость. – Мои воины зовут меня Скирмонтом Неустрасимым! Я главный в этом походе!

– И что с того?! – повторил Всеслав, начиная терять терпение. Он уже и без того догадывался, чего именно хочет от него Скирмонт, но ждал, чтобы тот сам сказал об этом.

– Выходи на поединок, кривс! – Скирмонт рубанул воздух рукой. – Ты меня одолеешь – мои воины полон отдадут и уйдут. Я тебя одолею – вы нас с полоном выпустите!

Дружина сзади зароптала, возмущённая наглостью литвина, а Всеслав расхохотался.

– Э нет, Скирмонте, так не пойдёт! Биться с тобой я согласен, а вот условия будут иные!

– Почему это? – насупился кунигас.

– А потому – не ты меня окружил, а я тебя, не моей рати гибель грозит, а твоей. Потому и условия ставить буду я! Коль ты меня побьёшь, то мои вои тебя, так и быть, пропустят, но весь полон тебе придётся отдать. А коль я тебя побью, так тогда вся твоя рать в полон пойдёт!

– Ну тогда насмерть биться будем! – задорно, совсем уже по-мальчишески, выкрикнул Скирмонт, однако в голосе у него прорезалась неприязнь, мало не ненависть.

– Насмерть так насмерть, – процедил Всеслав закаменелым ртом.

Поединок вождей – дело непростое.

Поединок вождей – это единоборство самих богов в людском обличье, это древний бой самого Перуна со Змеем. Это бой воплощённого духа всей рати в лице его предводителя!

Вестимо, Всеслав и Скирмонт бились не голыми руками и не в первозданной наготе, любимой богами.

Но из оружия – только меч.

И из одежды – только порты.

Босиком и без лат.

Вои огораживали поле ореховыми прутьями, а Всеслав раздевался под ропот дружины.

– Княже!

– Всеслав Брячиславич!

– Да куда это гоже!

– Не много ль чести для литвина?!

Но Всеслав оборвал возражения дружины одним движением ладони. Вои смолкли – навывкли уже слушать князя. Да и как возразишь – Дажьбогов потомок, мало не сын самого Велеса! А ворчали только для того, чтоб использовать старинное право дружинных воев, которые для своего господина не столь слуги, сколь друзья.

Товарищи.

Всеслав обнажил меч и шагнул через ореховое ограждение.

Лязгнуло железо, высекая искры. Закружились в стремительном танце полунагие тела, метнулись длинные волосы: белёсые – у кунигаса Скирмонта, тёмно-русые – у князя Всеслава.

И почти сразу же у обоих появилось по отметине. По неглубокому длинному порезу: у Всеслава – на боку, у Скирмонта – на плече.

– Неплохо, – бросил Скирмонт покровительственно, на миг остановился, давая противнику перевести дух. На поединке воины должны биться на равных условиях, и налышанский кунигас знает, что Всеслав точно так же даст ему передохнуть.

– А меч у тебя бесскверный, кунигас Скирмонт, – усмехнулся Всеслав точно таким же голосом и шагнул навстречь. – Не время отдыхать!

Сшиблись снова.

Всеслав вдруг почувствовал, как его руками овладевает какая-то сила, что-то большее, чем человеческая сила.

Ну же, отче Велес! – подумалось вдруг с весёлой злостью. Тело стало лёгким, а литовский князь вдруг начал двигаться медленно, как сонный.

Меч Всеслава словно сам метнулся вперёд, отшибая литовское железо, струйчатый бурый уклад с лёгкостью достигнул до горла литвина, и Смерть довольно улыбнулась за спиной Всеслава.

А Скирмонт вдруг увидел нечто ужасающее – за спиной кривского князя вдруг воздвиглась дымно-туманная косматая и рогатая фигура, тёмно-красные глаза глянули зловеще-насмешливо. И тут же горло полоснула острая боль.

Обратным движением полоцкий князь легко отделил голову литвина и подхватил её за волосы, давая телу грузно упасть на землю.

За спиной ясно раздалось довольное хмыканье, и почти тут же взлетел к небу торжествующий многоголосый вопль дружины. А литовская рать подавленно молчала. Всеслав поднял с земли копьё литвина, насадил на него отрубленную голову и воздел над собой, утверждая вертикально.

– Тебе, отче Велес! – его голос вдруг раскатился над полем, гулко отдаваясь повсюду. Всеслав взмахнул мечом, указывая вперёд, и дружина с рёвом сорвалась с места.

Победа была полной.

– Полная победа, княже Всеслав Брячиславич! – торжествующе кричал подскакавший Несмеян, размахивая сорванным с кого-то из литовских князей алым плащом. – Они даже не противились! Побросали оружие и сами руки под вязку протянули!

Вои вели полон – белобрых понурых литвинов со связанными руками. Всеслав уже снова был одет и возвышался над ними на Воронке, глядя свысока. И только голова Скирмонта, что всё ещё возвышалась над ним на рожне копья, глядя мёртвыми глазами на своих проходящих воев, напоминала о том, что только что было на огороженном ореховыми прутьями поле.

А пожалуй, добрая чаша для пиров выйдет из этой головы, – подумал Всеслав про себя, отвечая на приветственные крики дружины. Вспомнилась старина про Лешека Попелюха и Тугарина: буди нет у тебя, княже Владимир, пивна котла, так вот тебе Тугарина голова!

Невдалеке остановился молодой литвин из полона – этот шёл с развязанными руками, и одежда на нём была заметно богаче остальных – тоже князь, небось. Смотрел на Всеслава странным взглядом, не обращая внимания на то, что полоцкий вой уже подъехал и за его спи-

ной вздымает плоть. Коротким движением ладони Всеслав остановил вой и кивнул, подзывая литвина.

– Почему ваши вой не противились? – отрывисто бросил полоцкий князь. Литвин стоял прямо и глядел прямо, открыто – даже полон не мог унижить его сейчас, показать трусом или недостойным человеком. Да, это князь, – Всеслав понимал это всё яснее.

– В тебе живёт дух бога, – утвердительно сказал литвин. Он очень хорошо говорил по-словенски, чисто, почти без искажений. Да и то сказать – не очень велика разница меж словенской да литовской речью. – В тот миг, когда ты убил кунигаса Скирмонта, я ясно видел за твоей спиной рогатую тень. Сам Велняс за тебя!

Всеслав довольно усмехнулся.

– Как тебя зовут?

– Зигмасом вой мои зовут. Я рикас и сын рикаса селов Викунда!

Всеслав одобрительно кивнул, разглядывая рикаса, и внезапно спросил:

– А что, рикас, не подружиться ли нам? Я добрый нынче, победил, да и сын у меня родился.

– Ух ты, – весело воскликнул литвин, ухмыляясь и крутя ус. – И мне нынче гонец был из дому – дочь у меня родилась! Не боги ли намекнули на что?! Я слышал, две твоих сестры замужем за Мовкольдом и Корибутом! Я бы тоже с тобой породниться не прочь! С таким-то родственником...

Он не договорил, хотя и так было понятно.

– Породниться, говоришь? – Всеслав покрутил ус. – Родство – дело доброе. Но и долгое...

– Можно и иначе решить, княже Всеслав Брячиславич! – рикас топнул ногой, словно сейчас собираясь в пляс. – Отдашь мне сына своего на воспитание?! Вот того, что нынче родился?

Честь рикасу была велика. Но и он поступался многим – воспитатель добровольно признаёт себя менее знатным, чем родитель воспитанника.

ПОВЕСТЬ ПЕРВАЯ БОГИ ИХ ОТЦОВ

ГЛАВА ПЕРВАЯ В ТИШИНЕ

1. Кривская земля. Озеро Нарочь. Сбегова весь. Зима 1066 года, грудень

Зима.

Хотя какая там пока что зима – грудень на дворе. А только на осенние Деды навалился мороз, а сразу после того густо, хлопьями, повалил снег, укрывая озябшую закаменелую от мороза землю. Загудели в вершинах деревьев тяжёлые ветры, затянули снежной пеленой лесные просеки да поляны, наметая сугробы и снеговые шапки на соснах и ёлках.

Мело пять дней.

Мело так, что не видно было белого света.

И стихло так же внезапно, как и началось – бывалые люди, старики ждали, что после того, как водится в грудень по осени падёт оттепель, но снег лежал и не думал таять. Морозило так, словно стоял уже не грудень и не студень даже, а сам просинец.

«Не к добру это, – шептались старики. – Быть большой войне, быть большому разорению.

Но в такое верят только умудрённые жизнью старики, те, кто повидал многое, страдал в полях и сражался на ратях.

Молодое сердце не верит в худшее.

Снег весело свистел под лыжами.

Невзор скользил по зимнему лесу, топчя новую лыжню и не забывая то и дело сторожко оглядываться по сторонам – как же без того. Хотя, впрочем, озирался он больше по въевшейся в кровь привычке – шнырявший опричь по кустам Серый никого не подпустил бы к своему хозяину и другу.

Вот и сейчас пёс вынырнул из-за густого чапыжника, весело глянул на хозяина, глухо гавкнул – лаять Серый почти не умел. Невзор подкатился к псу, присел, запустил пальцы в густую тёплую шерсть.

И что бы я без тебя делал? – подумал с прихлынувшей вдруг благодарностью. Трудный и долгий путь показался бы ему ещё труднее и дольше без Серого, который охранял и грел его на ночёвках.

– Что там, Серый? – пёс беспокоился, то и дело оглядываясь. – Что там, пёсик?

Серый чуть взвизгнул, радостный от того, что хозяин его понял. Вырвался из рук Невзора, отскочил в сторону, вильнул косматым хвостом, словно приглашая его за собой.

– Нашёл что-то? – Невзор усмехнулся. – Ну пошли посмотрим.

Идти пришлось недолго – Серый выскочил на опушку бора и остановился, приподняв лапу и беззвучно показывая белые клыки, способные одним махом перекусить руку взрослого мужика. Остановился и Невзор, разглядывая пустую поляну.

Странная это была поляна – что-то тут было не так... Невзор даже не мог понять – что именно. Из высоких сугробов подымались столбы дыма – казалось, тут живут люди. Не в домах, а в каких-то норах...

– И куда это меня занесло? – ворчал Невзор недовольно себе под нос, завязывая ремешок на лыже и исподлобья поглядывая на дымящиеся сугробы.

И впрямь – за полгода обучения в войском доме в эти края ему забираться ещё не доводилось, и если бы не испытание, то вряд ли он набрёл бы и на эту вёску.

Да и откуда она вообще взялась? Невзор готов был поклясться, что ещё в позапрошлом году, когда они с отцом где-то в этих местах охотились, здесь не стояло ни одного дома, не подымалось ни одного дыма...

А может это и не дома?

И не вёска совсем?

Может, нечисть какая живёт?

Невзора невольно пронзило страхом – всё же таки деды миновали, а до Корочуна долго, нечисти самый разгул, да и нежити – тоже... хотя... дымы ведь, а дыма без огня, известно не бывает... а нечисть и нежить от огня бежит...

Да и Серый бы тогда сюда не сунулся ни в коем разе!

Невзор с досадой плюнул в снег, так ничего и не решив, выпрямился и взгляделся пристальнее – напрямик или обойти?

Больше седмицы тому, сразу после того, как стихла метель, словно того и дожидался (хотя в иное время никакая метель альбо мороз не могли помешать Старым дать трудное задание своим ученикам – должно быть, всё-таки чего-то иного выжидали Старые) Наставник Ясь сказал четверым новикам – Невзору и ещё троем таким же молоденьким:

– Возьмёте лыжи и пойдёте на четыре стороны. У каждого будет бересто, на котором показано, как найти оставленные мной ухоронки. Что в ухоронках – не скажу, поймёте сами, как найдёте. Возьмёте то, что спрятано и принесёте сюда, в войский дом. Сроку вам – десять дней. Кто прибежит первым – того на седмицу домой отпущу.

– А... – заикнулся кто-то.

– А кто не успеет – понял Старый, – тому после две седмицы на поварне репу чистить да котлы отмывать...

– А... – не унимался любопытный новик.

– А кто вовсе ухоронку не сыщет, – отрубил Наставник Ясь, – так тот лучше пусть сразу домой ворочается, таким раззявам здесь делать нечего!

Новики поняли урок и повесили носы.

Кому куда идти – конались по ратовищу копыя. Невзору выпало идти на север. Бересто привело его к самой литовской меже, где в дубовом дупле он и сыскал Ясёву ухоронку – мечевую подвеску в виде наконечника стрелы. Но искал слишком долго, и теперь время поджигало – боялся не успеть до назначенного срока. Потому и срезал крюк через болота и неведомый дотолё лес.

Срезал, называется...

Решась, наконец, Невзор снова сплюнул на снег, для чего-то внимательно проследил, как замерзает свернувшаяся шариком слюна, сильно оттолкнулся ратовищем короткого копыя и заскользил по пологому длинному склону к дымящимся сугробам.

И уже на ходу понял, ЧТО странного в этой вёске.

Тишина. Она была почти полной.

Не лаяли псы, всего раз замычала корова, не ржали кони.

Тихо было среди этих сугробов.

Невзор выкатился к крайнему сугробу и остановился, упираясь ратовищем в снег. Ожидал непонятно чего.

Серый вдруг насторожился и снова беззвучно оскалился. Чуть скрипнула дверь и из-за ближнего сугроба возникла – не вышла, а именно возникла, словно блазень-призрак – молоденькая девушка, почти девчонка. Увидела Невзора и замерла, не отрывая глаз.

Мальчишка замер тоже. А Серый вдруг улёгся на снег и спрятал морду меж лап – стало быть, и беспокоиться нечего.

Девчонка была хороша. Узорная бледно-зелёная рубаха, крашенная плауном, с красно-золотистой вышивкой, клетчатая понёва, овчинный полушубок нараспашку, шапка с бобровой опушкой... Круто выгнутые густые брови, пронзительные серые глаза, тонкий прямой нос и – длинная коса из-под шапки.

Несколько мгновений они глядели друг на друга, потом девчонка спросила:

– А ты кто такой?

– А ты? – не остался в долгу Невзор.

– Я первая спросила! – девчонка топнула ногой, хмурия брови – видно было, что она не в духе. – Отвечай, блазень!

– Я – блазень? – Невзор не знал, смеяться ему или злиться.

– А кто же?! – ворчливо бросила девчонка. – Может быть, я?!

– А чего же? – новик усмехнулся. – Я в позапрошлом году здесь с отцом проходил, никакой вёски не было...

Казалось, она готова засмеяться... но тут же это предчувствие куда-то сгинуло – девчонка нахмурилась ещё больше, теперь казалось, что она вот-вот заплачет, словно слова Невзора что-то ей напомнили. Что-то страшное.

– А ты за оберег поддержишь, – враждебно посоветовала девчонка. – Глядишь, глаза-то и разуются, тогда и увидишь кое-что...

Невзор невольно взялся за серебряный оберег на груди – громовой цветок в круге.

– И выматериться не забудь, – бросила девчонка.

Да она же просто смеётся над ним! Невзор грозно засопел и двинулся вперёд, она отскочила мало не на сажень назад, но убежать не стала – прыжок её плавно перелился в какое-то более грозное движение – и вот она уже как дикая кошка ждёт его нападения, чтобы вцепиться ему в глаза...

И ведь вцепится, пожалуй... и неведомо, за кем тут будет верх...

Серый открыл глаза и насторожил уши, но голову с лап не поднял, словно говоря – чего на пустом месте беспокоиться?

Невзор озадаченно остановился – хорош он будет, если увидят, как он дерётся с девчонкой...

– Да брось ты, – сказал он неуверенно...

Она, наконец, улыбнулась, но как-то неуверенно, словно её много и жестоко обижали... и теперь она боится верить людям... возможно, так оно и было.

– Меня Невзором зовут, – сказал он, всё ещё колеблясь, говорить ли правду или всё же поостеречься. – Говорят ещё, будто я – сын гридня Несмеяна...

– А здесь чего делаешь? – всё ещё недоверчиво спросила девчонка. Она опустила руки, и тут только Невзор заметил, что из её кулака торчит длинное лезо чуть изогнутого ножа.

Ого! А пчёлка-то с жалом!

Зато уж точно не нежить – куда нежити-железное оружие в руках удержать?

– Иду, – фыркнул он. – Мне к Нарочи надо.

Несколько мгновений девчонка разглядывала Невзора, потом решительным движением спрятала нож. Видимо, поверила. Серый опять закрыл глаза, уши пса снова обвисли.

– Меня Красой звать... говорят, я была дочкой Неклюда-огнищанина...

Невзор вмиг ухватил главное.

– Была?! – вырвалось у него. В следующий миг мальчишка прикусил язык, но было поздно – лицо девчонки скривилось. Но миг – и она справилась с собой.

– Была – кивнула она почти спокойно, и голос её почти не дрожал... – Потому как нет его больше...

Новик закусил губу.

– Сбеги мы, – добавила девчонка. – От Плескова...

Невзор молчал. Вспомнились рассказы отца про то, как провожал в эти вот самые края плесковских сбегов, как на Нарочи поселились... мог бы и раньше вспомнить, память-то не вовсе дырявая. Вот небось на том самом берегу отец с Витко братались, кровь смешивали два года тому. Так вот кто эта девчонка!

Вспомнилась тишина в вёске. Что, неужто за два года ни в едином доме ни единого пса не появилось? Странные какие-то...

– Ладно, – бросила Краса, опустив голову... – Ты на меня не сердись, Невзоре? Есть хочешь, небось?

И когда это вой отказывался от еды? И Невзор, хоть и не вой ещё, а тут же ощутил, как у него бурчит и тянет в животе, и вспомнил, что в заплечном мешке осталась только горбушка зачерствелого хлеба и ломоть копчёного сала, а бежать ещё весь день.

Но просить еду у сбегов, которые сами с хлеба на квас перебиваются... Совесть не дозволяла.

– Погоди немножко, – кивнула Краса, правильно всё поняв. Крутнулась на месте, взметнув подолом понёвы и полами полушубка, и снова скрылась за сугробом.

Ждать пришлось недолго. Не успел бы Невзор сосчитать до двадцати, как она снова появилась:

– Вот, держи, – в руках у новика вдруг оказался ещё тёплый пирог, вкусно пахнущий печёной рыбой. – А то может, зайдёшь... передохнёшь мал час?

Несколько мгновений он и вправду думал – а то зайти? Но время поджимало...

– Нет, – мотнул он головой, жуя пирог. – Спешить надо...

Разломил пирог пополам, протянул половину Серому. Пёс оскалил страшные клыки, Краса ойкнула и попятилась. Но Серый только весело ухмыльнулся широко раскрытой пастью и осторожно взял пирог из руки хозяина.

Невзор откусил кусок, прожевал. Краса торопливо протянула ему глиняную чашу с дымящимся горячим сбитнем... Глотнул... сбитень дымящейся волной прокатился по жилам, заставил каждый сустав заиграть и напрячься... теперь и бежать будет легче.

– А вы где тут живёте-то? – спросил он, чтобы не молчать, и снова откусил кусок. – Я сначала думал – в норах, что ли?

– В землянках, – грустно ответила девчонка. – Человек по двадцать в каждой...

– Хм, – сказал новик, чуть было не подавись. Вообще-то они в войском доме тоже спали все вповалку в одной горнице, и только Старые жили в отдельном доме в два яруса. Да ещё в другом доме, длинном, по самый князёк засыпанном землёй – шептались, что первый наставник здесь был из урманских земель, вот он построил такой дом, на свой, северный, лад – жили семеро воев, помогающих Старым в наставлениях. Только одно дело – два десятка молодых парней, почти что и мальчишек ещё... а другое – несколько взрослых семей... хоть даже и родня друг другу... родовичи.

– Вас так много? – удивился он. – Отец говорил – всего десятка с два.

– Отец? – Краса непонимающе подняла бровь, и Невзор аж залюбовался – на диво хороша была девка. И впрямь – краса.

Длинная, в мужскую руку толщиной, золотая коса ниже пояса падает из-под тёплой суконной шапки. А васильковые глаза – словно небо в яркий июльский день. Округлое лицо с жёсткими скулами, светлая кожа и густые брови, серьёзный взгляд из-под длинных ресниц и гибкое тело под серой суконной свитой. Тонкий прямой нос с лёгкими и тонкими вырезными крыльями над полными тёмно-вишнёвыми губами.

Всё, брат, – молча сказал себе Невзор, – всё, пропал ты. Пропал вовзят. Он теперь точно знал, то ему жизнь – не в жизнь без неё.

– Эээй! – засмеялась (видно было, что в отвычку ей смеяться) Краса. – Ты онемел, что ли?

– Онемел, – признался Невзор.

– Отец-то твой при чём, спрашиваю?

– Так он вас сюда и провожал два года тому, – быстро пояснил Невзор, вспомнив, наконец про то, что ему надо спешить. – Несмеян-гридень, помнишь, может?

Краса только покачала головой, неведомо с чего отводя глаза, словно вспомнив что-то неприятное.

– К нам после ещё три ватаги сбегов прибилося, таких же, как мы, – пояснила она нехотя. Заметив что-то в поведении Невзора, спросила прямо. – Спешешь, что ли?

– Спешу, – вздохнул он и пояснил. – Служба.

Поспешно дожеввал остатки пирога, допил сбитень.

– Воля богов да будет над этой кровлей, – сказал он, кланяясь. – И тебе благо дарю, дева Краса...

Она невольно покраснела – такими словами с ней ещё никто и никогда не говорил. Сварливость и неприязнь в её взгляде таяли на глазах.

– Уходишь? – спросила она чуть ли не с грустью.

– Надо, – коротко ответил Невзор. – Но я ещё ворочусь, будь уверена...

– Да уж, верю! – бросила она вдруг всё тем же сварливым голосом. Словно скурату ласковую сбросила. Словно он её обидел чем...

Новик коротко усмехнулся...

– Будь здорова, славница! – бросил он, уже не обращая внимание на сварливость девчонки – теперь-то он знал, что это всё – не настоящее. Оттолкнулся ратовищем и заскользил по снегу. На бегу оборотился – Краса всё ещё смотрела ему вслед – махнул рукой, и скрылся за стеной закуржавелого чапыжника.

Краса долго ещё смотрела вслед насмешливому и немногословному мальчишке. И только когда он пропал за чапыжником, когда он уже не мог её видеть, махнула ему вслед рукой. Поворотилась и пошла обратно к скрытому под снегом жилью.

Оттуда, из отворившейся в сугробе двери, уже глядело любопытное лицо Улыбы.

– Кто это был? – спросила она, глядя вслед мальчишке и шурясь от блестящего на солнце снега.

– Да так... никто, – задумчиво ответила Краса. – Человек прохожий.

– Э, Красушка, да ты ведь улыбаешься, – вдруг рассмеялась Улыба. Вестимо, сама-то она улыбнуться никогда не откладывала, потому Улыбой и прозвали. – Ай, Краса!..

А Краса и впрямь улыбалась – не впервой ли за эти два года, что миновали с разорения вёски «мстиславичами». От чего улыбалась – и сама не ведала.

2. Кривская земля. Мядель

Зима 1066 года, грудень

В кривской земле – зима. Трещат от мороза деревья, спят под сугробами и тонким льдом гиблые болота, дремлют под снеговыми шапками деревья – зима.

Звонкой переливчатой трелью разливается по лесу перезвон бубенцов на конской сбруе. Быстро бегут по лесу пароконные сани-розвальни, а в них – четверо богато одетых кривских весян. Хоть и близко Мядель от Нарочи, а всё одно – ради такого дела пешком идти невестно. Надо, чтобы все видели и слышали – кто едет да куда. И чтобы поняли – зачем.

А едет староста Ока из Нарочи с сыном Корнилой и двумя друзьями. Едет сватать за сына Гордяну, дочку Мураша, старосты мядельского.

Жмёт недовольно губы Ока да ничего не поделать – сыну вожжа под хвост попала. Скажи на милость, словно околдовал его кто – после вешнего Ярилы сын про своих, нарочских дев-

чат и слышать не хочет, ни на одну не глядит, у наречённой своей прежней обручье дареное обратно требовал, помолвку разорвал, позор девичий презрев, сразу целому роду в душу плюнул. А за родом тем в погосте сила немалая. Сверх того, ни Гордяна, ни отец её, Мураш, ни весь Мядель – не крещены до сих пор. Ни во что стали ни отцовы прещения, ни материны уговоры. Въяве помнит староста слова жены:

– Не позволю! На язычнице жениться, мало не на ведьме! Нет на то моего добра! Бог не попустит!

Бог, однако же, попустил.

– Едут, едут!! – пронеслось по Мяделю. Мальчишки бежали вдоль улицы, вопя изо всех сил. А кто едет, и куда едет – про то и без них ведомо.

Гордяна глядела на выходное платье, лежащее на лавке, как на живую змею. Мать бросила поверх платья праздничную головку, шитую речным новгородским жемчугом – не бедно жили в Мяделе, совсем не бедно. Мураш, отец Гордяны, мало не в первых охотниках в округе ходил, было на что и жемчуг наменьять, и серебро.

– Надевай, – материным голосом можно было бы заморозить всю Нарочь, если бы озеро уже не замёрзло по осени.

Гордяна молчала, закусив губу, теребила рукава платья, терзала твёрдыми похолоделыми пальцами плетёный пояс.

– Надевай, – повторила мать, вытягивая из сундука шитый серебром тонкий кожаный пояс с пристёгнутыми кожаными ножнами – и к праздничному, и к выходному, и к обыдённому платью русские женщины, словенские женщины, стойно мужчинам, вослед мужчинам, носили с собой ножи. Не ради выхвалы войской, ради чести человека вольного. Да и так-то сказать – нож ведь в любом деле первая подмога.

Зарежусь, если силой нудить станут, – как-то безучастно, отрешённо подумала Гордяна, глядя на ножны остановившимися глазами. Мать, верно, что-то поняв, ахнула и прижала пояс к груди.

– Дитятко, – только и вымолвить смогла пожилая Милава, враз как-то осунувшись.

– Сговорили уже, мамо? – безжизненно белыми губами почти неслышно спросила девушка.

Милава молчала. Потупилась. Да и что тут говорить – и так всё ясно.

– И меня не спросили?.. – в голосе дочери звякнули слёзы.

– Честь-то какова, доченька, – чуть слышно сказала мать.

– Честь, – горько прошептала девушка, опуская глаза. – Честь...

– Род знатный, Гордянушка, – сказала мать совсем уж потерянным голосом. – И богатый...

– Да жить-то не с родом! – перебила Гордяна. – И не с пенязями да мягкой рухлядью!

– Не с родом, доченька, но в роду, – строго выпрямилась мать. – А чем же тебе Корнило плох?

Плох? Или хорош?

Гордяна и сама не могла сказать, чем ей Корнило не по нраву.

– За христианина идти, мамо? – дочь пустила в ход последнее своё оружие. – Креститься? В церкви венчаться? Богов родных да дедов отринуть и позабыть?

Милава топнула ногой.

– Всё у тебя отговорки! – крикнула запальчиво. – Знаю я, кто у тебя на уме!

Гордяна едва заметно усмехнулась. А чего же и не знать-то? Всем ведомо, кто у неё на уме – всему Мяделю и всей Нарочи, после Купалы-то...

– Да ведь старый он, дочка! – хрипло и с отчаянием сказала мать. – Он же меня всего на восемь лет младше!

– Нету лучше него, – сказала Гордяна тихо.

– Так ведь женатый он, Гордянушка! – совсем уже упавшим голосом сказала Милава.
– Меньшицей за него согласна, – упрямо сказала дочь, глядя куда-то себе под ноги.
– Бесстыдница! – мать едва удержалась, чтобы не плюнуть на пол.
– Так Лада велела, мамо, – всё так же тихо сказала девушка. – И кто же мы, чтоб спорить с волей богини?

Мать гневно поджала губы. Тут мерялись враз две силы – сила родовой старшины, воплощённая в многовековом укладе, в передаваемых через сотни и тысячи поколений заветах и заповедях, и сила любви, воля богини, ломающая все препоны и преграды. И неведомо было, кто одолеет, ибо и богам не всегда подвластны законы.

– Надевай, – всё так же тихо, но твёрдо велела мать, бросая пояс поверх платья и головки. – Не позорь рода своего.

И тогда Гордяна поняла, что она ничего не сможет изменить.

Ничего.

В ворота, как водится, пропустили только сватов – Оку со товарищами, а наладившийся следом Корнило натолкнулся на груди четверых молодцов – друзья и родичи Мураша не сплосховали, не допустили бесчестья. Старостич собрался было обидеться, но раздумал – вовремя вспомнил обычаи.

Сваты входили в горницу, степенно обивая в сених снег с сапог – ради такого случая надели лучшую сряду. И сапоги – мало не боярские, зелёного сафьяна, шитые цветной ниткой. Шубы – медвежьего, лисьего и волчьего меха. Шапки, крытые цветным сукном.

Отец Гордяны, Мураш, уже ждал в красном углу. Праздничная рудо-жёлтая рубаха, штаны синего сукна, сапоги – хоть и не такие богатые, как у Оки и его друзей, но тоже не последней выделки. Борода гладко, волосок к волоску, причёсана, шитый серебром кожаный пояс. Понятно, и Мураш тоже знал, для чего пожаловали знатные гости, и только притворился, будто не понимает – так того требовал обычай, надо было соблюдать лицо.

Гордяна, трое подружек и мать укрылись в бабьем куте, поблёскивая оттуда любопытными глазами.

– Пожалуйте, гости дорогие, – широко повёл рукой Мураш, указывая на укрытые медвежьей шкурой лавки.

– А не с простом мы к тебе, Мураше, – отдуваясь, выговорил Ока. Сел на лавку, расставив ноги в расписных сапогах, утёр красное с мороза лицо. Остальные гости уселись рядом – скидывать шубы пока что никто не спешил.

Мураш повёл бровью в сторону бабьего кута – из-за печи вышла-выплыла Гордяна с деревянной тарелью в руках. На тарели – четыре дорогих каповых чаши. По горнице пахло мёдом и мятными травами. Мураш и сам невольно залюбовался дочерью – в праздничном наряде, в дорогой головке жемчуга и серебра, в сканых серьгах, колтах и обручьях синего стекла Гордяна, казалось, плыла над полом – чаши на тарели даже не дрогнули. «Перед старыми людьми пройду белыми грудьми». Ока и его друзья загляделись, невольно завидуя Корниле. Невольно как-то забылось и то, что и род не излиха знатен, и то, что и сама невеста – а мысленно они уже называли её только так! – и вся её родня не крещена.

Только бледна была очень, краше в домовину кладут.

Девушка плавно поклонилась гостям, поднесла угощение. Дождалась, пока угостились все четверо, вновь поклонилась, ещё раз прошлась по горнице и скрылась за печью, напоследях одарив отца взглядом, исполненным такой горечи, что у Мураша невольно заныло сердце, и он усомнился – а верно ли делает?

Гости утирали усы и бороды, довольно крикая – мёд в доме Мураша был крепок и заборист. Скинули на лавку дорогие шубы.

– Тут, друже Мураш, дело такое, – шумно вздыхая, сказал Ока. – Слышал я, что у тебя товар дорогой имеется... ну а у меня на тот товар купец сыщется – купец знатный, богатый да тороватый...

Слово было сказано.

Выждав несколько времени, Корнило решительно стукнул в ворота кулаком.

– Кого Велес принёс? – послышалось из-за воротного полотна. Корнило невольно вздрогнул, чувствуя, как холодит на груди кожу серебряный крестик. Усомнился на миг – то ли делает. А голос за воротами продолжал. – Чего надо?

– Впусти! – потребовал Корнило, уже чуть подрагивающим от обиды голосом.

– Выкуп! – нагло заявили из-за ворот.

– Будет вам выкуп, – посулил Корнило.

Не зря припас тороватый Ока с собой мешок с печевом да укладку с серебром – пригодились на угощение да дары. Не дожидая свадьбы, ещё на сговоре изрядно подоят сватов дружки да подружки семьи невестинной. Ступая через сыплющиеся под ноги горячие угли – запасли заранее! – Корнило дошёл по двору до крыльца, ступил на нижнюю ступень – считай, что в дом вошёл.

Вошёл в тот самый миг, когда было сказано про купца и товар – словно подгадал. А может, и подгадал, кто его ведаёт.

Гостя провели к сватам, усадили ближе к красному углу.

Словно сквозь сон Корнило слышал, как одаривал отец пряниками девушек, подружек невесты, что вцепились в рубаху и косу Гордяны – не пустим-де. Любовался, как метёт веником скатный жемчуг по полу его ненаглядная любовь.

И словно в тумане вспоминался ему тот вечер вешнего Ярилы, когда ему словно впервой бросилась в глаза до сих пор как-то не особенно заметная краса Мурашовой дочери.

Парни тогда мало не силой сговорили его пойти на игрища к Мяделю – Корнило верой отговаривался, бесовские-де игрища, так сам епископ Мина сказал в Полоцке. На деле же ему просто было лень ноги бить по лесным тропам.

Но друзья его всё же сговорили, и он не пожалел...

А потом случилось Купалье, и Гордяна вдруг отдала веночек чужаку, мало того – на семнадцать лет старше себя. Околдовал её кто-то, что ли?

Очнулся Корнило оттого, что отец чуть толкнул его локтем в бок. Не вдруг и осознал, что сейчас не лето, и не изок-месяц, а самое начало студня, и за стенами избы – зима, сугробы и мороз.

Пришло время дарить подарки.

Отцу Гордяны, Мурашу, Корнило вложил в руки знатной работы зверобойный лук и тул, полный белопёрых стрел – знал, чем угодить первому охотнику округи. Клееные из нескольких слоёв разного дерева кибити лука с жильными и роговыми накладками, неразрывная тетива из лосиных жил, украшенные бисером налучье и тул. Дорогой подарок, кто понимает – у Мураша враз загорелись глаза.

Хозяйка дома, Милава, приняла от жениха – теперь и Корнила всяк про себя уже именовав женихом! – серебряные колты с узором из солнечных крестов. И запах дорогих духов тонкой струйкой тянулся из хитрых горловин.

И, наконец, Корнило подошёл к самой Гордяне, роняя на пол опустелый мешок. И на свет явились витые обручья – кручёные пучки тонкой серебряной и золотой проволоки с едва заметными смарагдовыми глазками застёжек.

Девушки-подружки завистливо затаили дыхание. Корнило застегнул обручья на запястьях невесты, глянул ей в глаза. И поразился – в глазах Гордяны стоял туман – не понять было, что там. То ли радость, то ли печаль.

Теперь был черёд невестиного отдарка.

Нетвёрдо ступая, точно пьяная, девушка ушла в бабий кут, скрылась за печью, провожаемая жадными взглядами сватов. Прижалась спиной к печи – матушка, не выдай!

Вот и всё! – сказал кто-то внутри неё. Вот и кончается твоё девичество. И прощай тот миг в купальскую ночь, когда воля Лады, казалось, посулила ей что-то иное.

Взгляд Гордяны прикипел к брошенной на лавку дорого вышитой рудой рубахе. А при рубахе – плетёный из золочёных шнурков пояс с кистями. Рубаху купила мать на менском торгу. Летом купила, сразу после Купалы.

Знала уже тогда?!

Сейчас она, Гордяна, возьмёт эту рубаху и этот пояс.

Выйдет к гостям.

Поднесёт и подаст рубаху Корнилу.

И это будет означать согласие.

Через месяц будет свадьба.

Рука Корнила срежет её косу и принесёт выкупом в дом Мураша.

А голова Гордяны навсегда спрячется под рогатой кикой – наверное, тоже недешёвой.

Корнило ей даже нравился когда-то... Но потом пришло Купалье, – и встретился Несмеян.

Девушка беззвучно плакала – слёзы крупными горошинами катились по щекам. В горнице хмыкали и покашливали гости – невеста задерживалась уже сверх приличий. Озабоченная, заглянула в бабий кут мать.

– Девонька...

Гордяна злобно мотнула головой – метнулась над плечом толстая золотистая коса.

– Скажи, сейчас выйду!

Милага быстро-быстро закивала, исчезла – в горнице послышался её певучий голос, и недовольное ворчание смолкло: невестины слёзы – дело святое.

Гордяна перевела дух, плеснула в лицо водой с рукомоя, стряхнула капли с кончиков ресниц. Замерла на миг, глядя на своё дрожащее отражение в лохани, мотнула головой, решаясь, перевела дух. Рывком содрала с запястий обручья, шмыгнула носом, утишая последние слёзы, и шагнула в горницу, обрывая голоса. Уронила обручья на пол и сказала безжизненным голосом, видя уже, как пропадает улыбка с помертвевших лиц Корнила и отца:

– Замуж не иду!

Сваты уезжали, как оплёванные.

Никто не скалил над ними зубов, никто не потешался и не показывал пальцем, но ощущения у них были именно такие. А особенно – у Корнилы.

Опустив голову, бледный как смерть, несостоявшийся жених неотрывно глядел в меховую медвежью полсть саней, словно хотел там увидеть что-то важно для себя, словно резы какие тайные от Велеса самого разглядеть пытался или послание от самой Лады.

Впрочем, он был христианин, и никакие языческие демоны помочь ему не могли, пусть даже Гордяна и её родичи и звали тех демонов богами.

А не отвергнуться ли от веры христианской? – возникла вдруг крамольная мысль. – Может, язычником-то Гордяна его скорее полюбит?

Подумал – и сам испугался.

Бесовское наваждение эта любовь!

Рука сама вздёрнулась, кладя крестное знамение, Корнило поднял голову и встретился глазами с НЕЙ – Гордяна стояла на крыльце отцовского дома и глядела на него. Ни торжества, ни насмешки, как ожидал Корнило, не было в её глазах. Девушка смотрела так, словно просила прощения, и это для Корнила было больше всего. Он скрипнул зубами, словно обещая себе что-то важное, и снова уронил голову, отводя взгляд.

– Вы уж простите, гости дорогие, – неуклюже сказал, стоя в воротах, отец Гордяны, Мураш. И впрямь, станешь тут неуклюжим, будь ты хоть первым охотником в округе, хоть распервым, хоть вовсе единственным – не враз и поймёшь, как говорить со сватами, которым твоя дочка отказала уже после того, как ты сам согласился на всё и даже дары принял. Клял себя Мураш за поспешное согласие – понадеялся на послушание дочкино.

Поклонился, снова прося прощения.

Ока гордо задрал голову, не удостоив Мураша даже и взглядом, (сейчас он уже не помнил, как сам ругал сына за то, что тот хочет жениться на язычнице!) хлестнул коня кнутом. Розвальни сорвались с места, конь вспахал сугроб крутой грудью в расписной сбруе и вынес сани на дорогу.

Мураш несколько мгновений смотрел им вслед. Нехорошо уехали сваты, не было бы беды какой. Но постепенно возмущённая гордость взяла в нём верх над досадой и опаской.

Его род ничуть не ниже рода нарочского Оки! А предок Мурашов в здешних лесах даже раньше поселился! Так чего же тот Ока чванится – ишь даже слова сказать на прощанье не возжелал! Эка невидаль – девка отказала!

Лёгкая, почти невесомая рука легла на плечо Мураша. Не оборачиваясь, он угадал Гордяну. Дочь подошла вплоть, уткнулась носом в плечо отцу.

– Да... заварила ты кашу, дочка...

– Прости, батюшка, – в голосе девушки звенели слёзы. – Не могла я иначе.

3. Кривская земля. Озеро Нарочь. Сбегова весь. Зима 1066 года, просинец

Волчьи следы выныривали из ближнего ельника, пересекали небольшую поляну и скрывались за кустами черёмухи. Невзор остановился около них, припал на колени и вгляделся. Что-то ему в этих следах не нравилось. Понять бы ещё – что именно.

Из-под ближнего куста вынырнул Серый, перемахнул гребень сугроба и оказался рядом, взбив снег. Весело фыркнул от попавшего в нос снега, дурашливо покосился на хозяина.

– Не до игры, Серый, – пробормотал Невзор, по-прежнему разглядывая следы. Что ж в них не так? Взабось захотелось понять. До того, захотелось, что мальчишка забыл, зачем он, собственно, в лесу находится, чего не на месте, в войском доме.

Пёс подбежал вплоть и тоже принялся обнюхивать следы. В горле у него родилось сдержанно клочущее рычание, шерсть на загривке чуть приподнялась. Невзор положил руку ему на шею:

– Тихо, Серый, тихо... нам сейчас не до них.

Взгляд его случайно упал на следы пса.

Ага.

Волчьи следы резко отличались. Не формой, нет – это и дураку понятно, что волчьи следы от псиных отличаются. Тут отличие было в другом. Следы Серого тонули в пухлом, третьего дня только выпавшем снегу. Волчья же тропа была утоптана так, словно волки ходили по ней строем каждый день.

Невзор усмехнулся, потом, вспомнив предание, шедшее из материнского рода, будто бы основателем рода был волк-оборотень, протянул к следу руку. Не будь этого предания – поопасился бы, мало ли... волк – зверь не простой, да и следы не больно простые. Осторожно коснулся следа пальцем.

Ничего.

А нет. Что-то было. Какое-то неясное чувство, словно помахал рукой издалека кто-то едва различимый.

Невзор криво улыбнулся. Поднялся на ноги и заскользил вдоль следа, стараясь не наехать на него лыжами, а уж тем более, не пересечь. Что-то внутри него подсказывало, что этого лучше не делать.

След шёл неровно, петляя, так, словно выписывал по снегу какую-то заранее оговорённую черту. Словно... словно межу какую волки обходили дозором.

Невзор остановился, поражённый.

Межу?!

Невзор мотнул головой. Ходили, вестимо, в народе слухи, что будто бы волки с Всеславом-князем дружат, а то и служат ему. Может и межу охраняют. Дыма без огня не бывает. Вот только до ближней межи хоть литовской или ятвяжской, хоть плесковской, хоть смоленской отсюда далековато. Нечего тут волкам охранять.

Однако, глядя на тропу, Невзор никак не мог отделаться от ощущения, что волки именно межу какую-то охраняли, и пересекать эту межу без особой нужды не стоит, лучше обойти стороной. Тем паче, что туда, на полуночный закат, ему и не надо. Ему на полдень надо! – вспомнилось. Вспомнилось и то, зачем он вообще сейчас здесь.

Вспомнилась большая зимняя игра, затеянная Старыми.

Шестеро отроков сейчас рассыпались по лесной крепि около озера, в том числе, опричь Невзора, и его друзья – Явор и Милюта. С того летнего примирения как-то само собой получилось, что Невзор крепко сдружился с этими двумя оторвиголовами, с восторгом слушал рассказы Явора про то, как он помогал воеводе Бронибору сражаться против новгородского войска.

Где-то они сейчас, друзья-приятели, – мимолётно подумал Невзор. Где-то в нескольких верстах от него, в том же самом лесу. Ладно, недолго ждать осталось – встреча их была назначена на самом берегу Нарочи, у острога, как стрела, мыса.

Недалеко от того места, где он в грудень встретил ту странную девчонку, Красу.

Вспомнив про Красу, Невзор невольно улыбнулся, как улыбался каждый раз, когда её вспоминал. За эти два месяца несколько раз возникало желание её увидеть, но у Старых отпроситься из войскового дома было невозможно, да и к вечеру новики еле таскали ноги, какие там свидания ещё. Да и недостаточно сильное, видать, желание-то у тебя, – добродушно поддразнивая сам себя, думал Невзор.

А не заглянуть ли сейчас? – мелькнула шальная мысль. Почти по пути, много времени не займёт. Да и засадные не будут ждать от него, что он уклонится от прямой – никому в войском доме не ведомо про Сбегову вёску и знакомую Невзорову девчонку в ней. Опричь тех мальчишек из войскового дома, кто за ними, шестерыми, выбранными по жребью, гонят по следу, будут, наверняка, то там, то сям и засады. Тот, кому повезёт пройти мимо них и не попасться погоне, добраться до войскового дома, тот получит от Старых награду. Какую – пока никто не знал.

Что стоять? Надо идти, тем паче, что ему сейчас всё одно не угадать, что за межу обходят дозором волки.

Хотя...

Там, за волчьей тропой, к северо-западу от Нарочи, Невзор слышал, лежат владения ведуньи Летавы. Про неё по вечерам, у огня в дружинном очаге говорили полушёпотом – рассказывали, что ей служат волки и вороны; что если она не захочет сама, то и дороги к её избушке не найти; что её муж – кто-то из Сильных Зверей, не то кабаний князь, не то Белый князь волков; а то и вовсе она такая старая, что и сам Белополь был её мужем; что и сам князь не властен над теми землями, и те, кто там живёт (есть там вёски, есть!), платят дань той ведунье, а вовсе не князю Всеславу.

– А что ж Всеслав её терпит? – недоверчиво спрашивал кто-то из слушателей. – Прогнал бы её. Он же и сам...

При этих словах недоверчивый обычно умолкал – излишне болтать про князя Всеслава считалось среди воев, да и среди новиков тоже, дурной повадкой. ЗНАЕТ князь, ну и ЗНАЕТ. Княжеству от того только польза, а трепать о том языком – не мужское дело.

– Он-то, вестимо, сам, – рассудительно говорил рассказчик, – да только кто их знает. Может, они меж собой договорились как-нибудь, альбо ещё что...

– Так что ж она, княгиня, что ли, раз ей дань платят? – недоумевающе возражал другой любопытный.

– Нет, – нехотя отвечал рассказчик, и видно было, что он и сам толком не знает, что ответить. – Не княгиня она... и войска у неё нет... а только все знают, что те земли – её.

Невзор, наконец, очнулся, поняв, что невестимо сколько времени стоит на одном месте – пушистый снег уже скопился на меховой опушке шапки и на плечах, а лёгкий морозец начал забираться под подол свиты.

Да, пора!

Явор закончил поправлять ремень (лыжная петля развязалась не ко времени, а свиной ремешок задубел даже и на лёгком морозце), выпрямился, глянул на солнце и сплюнул. Провожался! Как бы не опоздать теперь, а то в засаду не угодить – запросто и вляпаешься. Парень оттолкнулся подтоком копья от ближнего дерева и двинулся дальше на полдень.

Голоса он услышал издалека – весёлые, задорные, с лёгкой хрипотцой. Насторожился, и на всякий случай схоронился за куст. Прислонил к стволу берёзки копьё и вытащил из налу чья лук. Наложил стрелу – тупую. Враг тут сейчас вряд ли встретится, а в своих стрелять настоящими стрелами всё ж таки не годится. У каждого из участников игры по два тула со стрелами. В одном – стрелы с настоящимижелезными наконечниками, охотничьи – если игра затянется на несколько дней, можно и поохотиться. В другом – вместо наконечников на стрелах привязаны толсто оструганные чурки – ударить такая стрела ударит, и синяк набьёт, а убить или ранить не получится.

Явор сторожко выглянул из-за куста, стараясь не задеть ни единой ветки – задень пожалуй, и на тебя тут же со всего куста и снег и иней обвалятся. И заметят враз.

Вдоль берега оврага бежал на лыжах, чуть прихрамывая, мальчишка. Бежал, то и дело останавливаясь и оглядываясь назад, отталкивался от снега подтоком копья, так же как и Явор недавно, катился и вновь оглядывался. Серая свита с ало-зелёной вышивкой по вороту и шапка с болотно-зелёным верхом – Милюта! А копьё не бросил, молодец, – одобрил про себя Явор, не спеша, однако, выдавать себя – от кого-то же Милюта бежал! А вот то, что попался кому-то, вовсе не молодец, – холодно подумалось почти тут и же, и Явор, прижав стрелу на кибити указательным пальцем, чтобы не упала, другой рукой поправил оба тула так, чтобы были под рукой. И с тупыми стрелами, и с острыми – вестимо, гонятся за Милютой скорее всего свои, из войскового дома (весёлые голоса не стихали – загонщики были уже близко), а только кто ж его знает на самом-то деле.

Голоса стали громче. Наконец, загонщики выскочили из-за ближнего пригорка – их было четверо, они подгоняли себя весёлыми выкриками и смехом. Увидев Милюту, они завопили громче и побежали быстрее. Догонят, пожалуй, – подумал Явор хладнокровно усмехаясь и оценивая расстояние между собой, Милютой и погоней.

Доба!

Явор вскинул лук, растянул тетиву, прицелился, ловя закреплённой на кончике чуркой мечущихся загонщиков. Передний споткнулся на ровном месте – стрела ударила под колено, засекая ногу, он повалился в снег ничком, раскинув ноги с лыжами. Остальные остановились, завертели головами.

Лопухи, – весело подумал Явор, накладывая новую стрелу.

Милюта на мгновение остановился, оборотясь, подивился неожиданной помощи и надал.

И он тоже лопух, – подумал Явор уже с раздражением, стреляя второй раз. – Мог бы и остановиться, и помочь!

Вторая стрела ударила в середину груди, и ещё один загонный грохнулся в снег – так предписывали правила игры, да и стрелы били сильно – Явор бил с близи, с нескольких сажен.

Остальные двое, наконец, увидели, откуда стреляют, рыскнули в разные стороны, укрываясь от Явора за оснеженными деревьями и целясь охватить его с двух сторон, но один почти тут же повалился сквозь ивовый куст от удара стрелы в спину. Рано Явор ругал Милюту лопухом! Беглец стоял саженьях в десяти, около корявого дуба, держа в полуопущенной руке лук и весело шурился, облизывая губы – ни дать, ни взять, что-то вкусное отведать да не распробовал, и не прочь бы и ещё куснуть полным ртом.

Четвёртый загонщик рывком выпутался из мешавших ему лыж и скрылся за широкой ёлкой, недоступный ни для Явора, ни для Милюты. Явор весело позвал его:

– Эй! Откликнись хоть! Кто таков-то?

– Тебе-то чего? – хмуро отозвался тот, и по голосу Явор признал Незванко, новика откуда-то с витебской стороны. Толковый парень Незванко, а вот оплошал же.

– Незванко, ты, что ль? – вновь окликнул Явор, с трудом сдерживая рвущееся из груди торжество победы.

– Ну я.

– Сдавайся, а?

– С чего бы это? – холодно ответил Незванко. – Вы меня возьмите сперва. Двое-то на одного.

– Вас и вовсе четверо на одного было, – возразил Милюта, подходя ближе, – снег легко хрустел под его лыжами. – Сдавайся по хорошему.

Незванко и впрямь попался – хуже не придумаешь. Из-за ёлки не высунуться – против него два лука. Бежать – так он без лыж, и друзья его враз догонят. Он мог бы конечно стрелять, но он так же не видел ни Милюты, ни Явора, как они не видели его. Оставалось тянуть время.

– Выходи-ка, сразимся, – лениво бросил Явор, убирая лук в налучье. – Чего зря воду в ступе толочь.

Сходились на пригорке, с которого снег выдуло ветрами – на сугробе сражаться было бы неудобно. Не на лыжах же сходить в поединке.

Вместо мечей у игроков были увесистые дубинки, тяжестью не уступающие мечам – в самый раз для такой игры. «Раненые» и «убитые» Явором и Милютой загонщики, сидя на снегу, весело глазели на готовящийся поединок, но молчали – правила игры запрещали им вмешиваться и даже разговаривать с «живыми». Милюта пристроился на коряге, сбросив с неё снеговую шапку, закинул ногу на ногу и тоже разглядывал поединщиков – те сходились босыми ногами по припорошённой снегом густой траве, ежась и шипя от холода, в одних портах и рубахах, сбросив свиты и шапки.

С треском сшиблись дубины.

Удар!

Удар!

Разворот!

Незванко подпрыгнул, пропуская Яворову дубину у себя под ногами, попытался достать Явора по плечу, но промахнулся. И почти в следующий же миг Явор приласкал его в правый бок, дубиной по рёбрам. Незванко снесло с ног, он упал спиной в сугроб, с рычанием вскочил, перехватывая дубину поудобнее и глядя глазами, полными ярости. Но Явор стоял неподвижно, глядя на него вприщур, словно оценивая – а хватит ли у противника смелости нарушить правила. После такого удара, придись он мечом, Незванко сейчас собирал бы непослушными руками со снега свои кишки и уж всяко не смог бы скакать таким козелком.

Милюта вскочил на ноги, собираясь помешать.

– Незванко! – в один голос завопили трое «раненых» и «убитых» Явором и Милютой. Но было поздно – Незванко одним прыжком преодолел разделявшее их расстояние. Дубина стремительно свистнула мимо уха Явора – Незванко целился прямо в голову, и Явору едва удалось увернуться, только самую малость скулу зацепило.

Зато он сам не промахнулся.

Плечо! – и дубина Незванко валится под ноги, пальцы не удержали оружие.

Колено! – и сам Незванко падает на подломившуюся ногу.

И третий удар – куда-то за ухо – окончательно вышиб из нарушителя правил игры сознание.

«Мёртвые» и «раненые» уже бежали к поединщикам, тоже презрев всякие правила, но, подбежав на пару сажен, остановились в нерешительности. Явор был одним из лучших бойцов в войском доме, да и Милюта неплох, а Незванко как-никак сам нарушил правила.

– Мы уходим, – решительно сказал им Явор. И кивнул на заворочавшегося под ногами Незванко. – Помогите ему.

Сбегова вёска за два месяца не изменилась ничуть. Невзор чуть приостановился на пригорке и почти сразу же увидел Красу – она шла по льду озера от проруби, несла на плечах тяжёлое коромысло с большими вёдрами. Усмехнувшись, он оттолкнулся подтоком и заскользил по откосу прямо к девушке, которая его пока что не видела.

Подъехал вплоть, остановился, перегородив лыжами тропинку. Краса едва не наступила на лыжи – ехал мальчишка почти бесшумно, и свист лыж по снегу она услышала, когда уже поздно было голову поднимать. Вздрыгнула, остановилась, мало не вспятив, вскинула голову и ахнула:

– Ты?!

– Не, не я, – весело ответил Невзор. – Царьградский базилевс. Не ждала?

– Базилевса может и ждала, – язвительно ответила девчонка.

– А меня, значит, нет, – всё так же весело продолжал мальчишка, почти не обращая внимания на её слова. – А я – вот он. Гой еси, государыня.

– И тебе поздорову, гриде, – ответила она ему в тон. – Может, всё-таки пропустишь меня? Меня дома с водой ждут.

На пути её, помимо лыж, уже лежал весело глядящий серый пёс, мёл хвостом сугроб.

– Не гридень я пока что, – Невзор всё-таки посторонился, пропуская девчонку. Серый тоже отскочил, освобождая путь. Невзор пошёл рядом с Красой, стараясь не задеть мокрых оледенелых вёдер. Подумав пару мгновений, предложил. – Давай помогу.

– С чего бы это? – снедовольничала Краса. – Не малосильная городская какая-нибудь, это они ложку до рта сами донести не могут. Справлюсь.

Поворотилась в к нем у, глянула повеселее:

– А тебя чего принесло опять? Каждые два месяца теперь по нашей вёске будешь бегать на лыжах? И летом тоже?

– Могу и чаще, – усмехнулся Невзор. Остатки игривого настроения ещё оставались, не давали улыбке сойти с губ. – Я мимо бежал по своим делам, да тебя увидеть захотелось.

– С чего бы это?

– А соскучился, – Невзор снова улыбнулся. – Понравилась ты мне.

– Долго ж до тебя это доходило, – Краса вновь ожгла его недовольным взглядом. – Через два месяца только понял.

– Да нет, – Невзор мотнул головой, едва успел подхватить шапку, свалившуюся с голову. Девчонка коротко усмехнулась – и то хлеб, не всё куницей дикой огрызаться. – Понял-то давно, почти сразу. Не мог вырваться, чтоб тебя повидать. Служба...

Вышла по-глупому, напыщенно, Невзор дёрнул щекой и замолк.

– Воевода, – с ядом сказала Краса.

Опять у них разговор выходил как-то наперекосяк, ему не хватало слов, чтобы обратить её внимание на себя, а она опять с чего-то была зла на весь окружающий мир. Вот знать бы, она со всеми парнями такая или только с ним? А если со всеми, медвежьей невестой не кличут ли о сю пору за нелюдимость? Хотя кому тут у них в округе и кликать-то – до ближней вёски вёрст десять небось, не меньше.

Сверху, с берега, раздался пронзительный свист. Гавкнул Серый. Невзор вскинул голову – на юру стояли двое мальчишек с копьями, махали ему руками. С такого расстояния он не мог разглядеть, кто это таковы, но ему это и не надо было – он и без того знал.

Явор и Милюта.

В следующий миг они оттолкнулись и скатились вниз, на лёд, подъехали к Невзору, Красе и Серому.

– А мы-то думали, чего это наш друг с самых Дедов осенних как водой политый ходит, – весело сказал Милюта, открыто и приветливо оглядывая девчонку. – А у него видать зазноба завелась.

– Сразу уж и зазноба, – холодно ответила Краса.

– Ну мы ж не по уши деревянные, видим, что к чему, – пояснил Явор. Потом повернулся к Невзору. – Ну, ты готов?

И только тут Невзор увидел, что с друзьями не всё в порядке – что Милюта чуть прихрамывает, а у Явора на скуле небольшой, но полновесный синяк.

– А вы чего это? – он поднял брови. – Попались-таки, что ли?

– А, – пренебрежительно махнул рукой Явор. – После расскажем, сейчас времени нет, бежать надо. Ну?

– Пошли, – готовно кивнул Невзор, спохватился, повернулся к Красе. – Прости, бежать надо. Увидимся ещё, коль получится!

Девчонка не ответила. Только долго стояла, словно не чуя на плечах тяжёлого коромысла с полными вёдрами, и глядела, как трое друзей и пёс споро бежали на лыжах по нетронутой целине озера, оставляя ясно видимый след.

Небось, играют во что, – по-взрослому и впервой без неприязни подумала она. – Мальчишки.

До войскового дома добрались уже в сумерках. В отворённых ещё воротах (стало быть, не все воротились!) стояла сторожа – двое воев с копьями, те, что всегда были при войском доме. Завидев идущих друзей (а Невзор, Явор и Милюта едва волочили ноги, лыжи висели на них пудовым грузом), они весело переглянулись, видно, вспомнив как сами были новиками, и скрестили копьё.

– Куда? – сурово спросил один, покручивая ус, – вои и сами были ещё молоды, хотелось повеселиться, пошутить над новиками.

– Туда, – хмуро ответил Невзор, отталкивая загораживающее дорогу копьё. – Мы задание выполнили, пропусти. Или Старых зови кого-нибудь.

Вои несколько мгновений помедлили, но всё-таки раздвинули копьё, пропуская. Во дворе горели закреплённые на верхушках тына и кровле высокого крыльца жагры. А с крыльца спускался наставник Ясь – упругим, совсем не старческим шагом. Остановился перед мальчиками.

– Ну? – бросил коротко.

– Сделано, – так же коротко ответил Явор, отсвечивая синяком. – Дошли.

– Это я вижу, – задумчиво сказал Ясь и мотнул головой в сторону крыльца. – Ступайте, отогрейтесь. Снедь и баня готовы, но мыться и есть будете, когда все воротятся.

Мальчишки тронулись к крыльцу, но Невзор чуть задержался.

– Наставниче, дозвошь спросить?

– Ну? – прогудел наставник, не оборачиваясь – явно был недоволен чем-то.

– А кто-нибудь ещё воротился?

Наставник промолчал, только коротко шевельнул плечом. Невзор понял это как «нет» и благоразумно предпочёл больше ни о чём не спрашивать.

Остальные воротились уже впотемнях, когда Милюта, Невзор и Явор грелись у огня в большой гриднице. На большом столе было пусто, только чашки пустые и ложки стояли – не от опаски Старых, что кто-то из троих не стерпит и не дожждётся товарищей (не было такой опаски, не было!), а потому, что кашевары не хотели, чтоб снедь остыла. Ну и помытарить хотелось игроков, вестимо, не без того. Им не свезло, двое кашеваров, выбранных по жребию, весь день у огня тосковали, кашу мешали да хлеб пекли, пока товарищи их в лесу друг за другом охотились, из луков стреляли да на дубинах дрались. Сейчас эти кашевары сидели около Невзора на лавке и жадно выпрашивали, как там было в лесу и что.

Крики и задорный свист было слышно издалека – и тут уж не только несчастливые вытянувшие жребий утром, но и Явор, Невзор и Милюта позавидовали им и пожалели, что воротились домой так быстро. Да, они пришли раньше, сидят в тепле, но тем, кто пришёл вот сейчас – они веселились и хохотали, с ними вместе было бы веселее. Но сдаваться ради такого или проигрывать? Невзор мотнуло головой, отгоняя глупую мысль. Экая нелепица подумалась...

Додумывал он уже на бегу. Следом бежали и Явор с Милютой – разом сорвались все трое к двери, а за ними и кашевары бросились. Выскочили в сени, а после и на крыльцо – кто успел ноги сунуть в сапоги, а кто и босиком выскочил, презрев снег и холод.

Отставшие пришли не с пустом. Валили весёлой толпой в ворота, по двое волокли куски оленьей туши, освежёванные и разделанные, тащили свёрнутую в тугой свиток шкуру. Завидев Старых (к Ясю подошёл ещё и Хмель), они разразились восторженными воплями, наперебой стараясь рассказать о том, что с ними было:

– Наставниче, а вот мы...

– А у Незванка голова болит!

– Да нечему там болеть, у него кости одни!

– А мы оленя заполевали!

– Пять лыж сломали!

– Оборотня видели...

– Примерещилось тебе!

– А вот и не примерещилось! Как дам вот!

– Ти-хо! – раздельно перекрыл их крики голос Наставника Хмеля. – Чего разгалделись как стадо гусей?!

Голоса смолкли.

– Задание выполнили?

– Даааа!! – торжествующий хоровой вопль перекрыл отдельные унылые «Нет!» тех, кто не смог оторваться от погони и угодил в засаду.

– Ну где же «да»? – хмуро спросил Наставник Ясь. – А это что? – указал он на стоящих на крыльце Явора, Милюту и Невзора. – Вы ж их пропустили!

– Они засаду обошли, – угрюмо бросил кто-то из толпы.

– Значит, вы хреново её устроили, раз обошли они, – безжалостно процедил Наставник Ясь. – А вы, вместо того, чтоб делом заняться, на охоту пошли!

Из толпы вышел, опираясь на копье, Незванко – видно было, что идти ему трудно.

– Дозволь сказать, наставниче, – морщась, сказал он.

– Ну, говори.

– Мы оленя встретили уже после того, как всех взяли, oprичь них, – он кивнул на Явора, Милюту и Невзора, стараясь не смотреть в их сторону. – Понятно было, что их упустили. Ну и подумали, хоть поохотимся.

Старые смолчали. Незванко несколько мгновений помялся, потом, наконец, сказал:

– Достоит мне получить наказание, наставниче.

В гриднице (хоть в войском доме и не было гридней, опричь Старых, но хоромину всё равно все называли гридницей, и Старые в том никому не прекословили) было полутемно. Дымно горели на стенах жагры и светцы, тянуло от очага жареным, чуть подгорающим мясом – в огне жарилась оленья нога из сегодняшней мальчишечьей добычи. И кому доведётся её разделять – пока никто из мальчишек не ведал.

Они сидели в два ряда за столом, друг против друга. А с торцов стола – Старые. Равномерно стучали ложки – новики ели похлёбку из кваса, лука и сухарей, то и дело косясь на очаг и сглатывая слюну. Ржаной хлеб на плетёных плоских блюдах, сыр и масло в резных деревянных чашках, глиняные чаши с квасом на столе.

Наконец, Наставник Ясь в голове стола шевельнулся, и кашевары сорвались с места. Быстро пробежались вдоль стола; в глубокие чашки перед каждым новиком падала горячая каша – не успел дохлебать квас – сам виноват, проворней надо быть, теперь кашу с квасом ешь. А потом кашевары вытащили из огня зажарившееся мясо – обугленное поверху и подтекающее сладким кровавым соком из глубины – и бухнули его в блюдо на середину стола. Сели на свои места и замерли в ожидании.

Ждали все.

Ждали высшей чести – кого Старые удостоят правом делить главное блюдо стола.

Ждали трое победителей – Явор, Милюта и Невзор (хотя Невзор понимал, что ему эта честь вряд ли достанется – слишком гладко и легко у него всё прошло).

Ждали те, кто не смог дойти до ворот войского дома. Ждали те, кто не смог задержать Явора, Милюту и Невзора. Ждали те, кто был «убит» во время игры и те, кто «выжил».

– Я доволен вами, – негромко сказал Наставник Ясь (сегодня он сидел во главе стола, а Наставник Хмель только хмуро усмехался в усы с другого конца стола). Среди мальчишек за столом прокатился лёгкий, едва слышный шёпоток, и тут же стих – прервать Старого было всё равно, что плюнуть в бороду самому Велесу. – Вы старались. Одни выполнили задачу, другие не смогли... случается и такое.

Кто-то уронил ложку на стол, пугливо сжался, но никто не обратил внимания – все слушали наставника.

– Но я особо хочу сказать сегодня о двоих... – Наставник Ясь помедлил и назвал первое имя. – Явор, сын Лодыги!

Явор горделиво поднялся. Он такого не ожидал, хотя и не удивился – справился он с приказанием Старых успешно. Глянул на наставника горделиво. Но тут же спохватился:

– Наставниче, я не один пришёл к воротам!

– Не один, – кивнул наставник. – Но я про другое. Явор, сын Лодыги, ты сегодня не просто выполнил задание полностью, ты ещё и помог своему другу Милюте. И другой из вас – Незванко, сын Дражена!

Тут уже по гриднице прокатился гул удивления. Незванко встал, красный от смущения:

– Я не заслужил чести, наставниче! – возразил он, открыто глядя на Наставника Яся. – Я не выполнил задания, поединок проиграл, да ещё и правила нарушил!

– Ты заслужил, – усмехнулся наставник. – Первое – ты показал, как нужно стремиться к победе – через правила, через боль, через смерть. Ничто не должно остановить воина! Второе – ты не побоялся признаться в нарушении правил. Честь превыше всего!

Незванко не посмел возразить вторично.

– Подойдите ко мне оба! – Наставник Ясь чуть шевельнулся, меняя положение на лавке. – Вы оба достойны делить оленья.

Наставник Хмель молчал – за столько лет службы в войском доме Старые навывкли понимать друг друга и без слов даже в самых сложных случаях. Нынешний же случай был не из сложных – обычная военная игра, которая закончилась тоже обычно, ничуть не отличаясь

от многих прочих. Много лет миновало, много таких игр прошло, много мальчишек прошло перед ними, готовясь стать истинными воями, и каждый раз находился кто-то стремящийся нарушить правила. По негласному закону, один раз в год такое полагалось поощрить, и то с рассмотрением – ради чего нарушены правила. Если как сегодня – ради общего дела, то могли и простить, а если ради лени или чтоб нарочно другого новика подвести (бывало и такое) – пощады и прощения не жди. Виновного ждало внеочередная работа на поварне, мытьё полов, колка дров, чистка конюшен или задка, а то и батоги – в зависимости от тяжести промашки. Нынешний проступок Незванко тянул на трёхдневную чистку конюшен. Батогов же в этом году пока что никому не доставалось.

Никто никогда не знал, когда он наступит, тот самый раз в году. Да и о законе таком тоже из новиков никто не знал, а Старые молчали – ни к чему дразнить лень или нерадивость. Может, кто из мальчишек и догадывался о чём, особенно из тех, кто в войском доме не первый год, да только и они тоже молчали.

4. Кривская земля. Озеро Нарочь. Чёрный камень. Зима 1066 года, сечень

Тропа ныряла меж деревьев и кустов, закуржавелые ветки нависали над утоптанной горбящейся дорожкой. Снег искрился в ярком зимнем солнце, длинные синие тени ползли по снеговой пелене.

Успеть бы до полного темна, – бьётся в голове.

Дома хватятся, – висит в голове неотвязно. Хотя после неудачного Корнилова сватовства от неё дома мало не шарахались – ни во что поставила девка волю рода, отцову волю и материну. Так и до иной, большей беды недалеко – и для всего рода.

В роду молодёжь Медвежьей Невестой дразнит – дескать, жениха отвергла, так теперь за медведя выходи.

Гордяне же вроде как и всё нипочём – собралась и убежала за два дня пути от дому, никому ничего, oprичь матери, не сказав. Да и матери-то... что сказала? Надо, мол, и всё тут. Мать смолчала, поджав губы – прекословить дочери она теперь опасалась. Теперь было так: отдельно – род, и отдельно – она, Гордяна. Тем более, что и отца сегодня дома не было – уехал отец в Полоцк. Давно уже. Вроде как и не время для поездок – война. На юге слышно, невеста что творится, Ярославичи кривскую землю зорят, словно чужую. Рассказывали потом знакомые, что отец к полоцкой рати пристал, которая князю на помощь пошла.

Гордяна вдруг почувствовала странное беспокойство, словно кто-то шептал ей что-то зловещее.

Тропа выползла на редколесную верхушку холма. Гордяна остановилась, опёрлась на палки, переводя дух. Невольно загляделась.

Низменный кривский край, нетронутая чаща, изборождённая руслами рек и речек, обнимала берега глубокой котловины Нарочского озера. Кое-где тонкими струйками подымались дымки из печей – выселки да заимки, вёски да починки. Самый ближний дымок стоял у северной оконечности озера. Где-то там, – вспомнила Гордяна, – войский дом, в котором сын Несмеянов... Невзор, вот как...

И тут же кто-то из-за спины жестоко укорил – о том ли возмечтала, девка? У него же сын – мало не твой ровесник!

Упрямо мотнула головой, оттолкнулась палками и заскользила со склона. Свистнул в ушах ветер, бросил в лицо горсть сухого холодного снега, ринулся навстречу чапыжник над тропинкой. Метнулся в кусты зазевавшийся заяц, отвыкший от людского вида и голоса, Гордяна на бегу озорно свистнула, косой заложил уши за спину и дал стрекача, так, что только снег

взвихрился из-под задних лап. Плясало в душе что-то весёлое и озорное, грело душу ожидание чего-то нового.

Девушка обогнула высокую разлапистую ель, остановилась. Из-под снега могучей глыбой чернел огромный камень. Потому и место так называлась – Чёрный камень. Гордяна перевела дух и невольно загляделась.

На камень загляделась.

Камень стоял здесь всегда.

Из кошун и басен девушка знала, что кривичи жили здесь не всегда. Родовые предания говорили, что первые кривичи пришли в эти места лет триста тому. Или триста пятьдесят. И сам род насчитывал поколений десять, сама Гордяна была в роду одиннадцатой... стало быть, тоже лет триста – триста пятьдесят.

Камень стоял здесь уже тогда.

Взгляд девушки скользил по бугристой поверхности камня, покрытой трещинами и царапинами, привычно складывая их в узоры и выделяя знакомое...

Вот охотники с луками гонят тура... или зубра.

Вот человек в высокой шапке – князь или старейшина – потрясает копьём.

Вот бегут олени, запрокинув ветвистые рога на спину.

Вот косматый индрик с длинным хоботом и тяжёлыми клыками, грозно торчащими из рта, разгоняет охотников, и двое гибнут под его могучими ногами, сжимая сломанные копыя. Ведуны как-то говорили, что и сейчас такое зверьё в жарких странах живёт, только не косматое.

А вот и вовсе неведомый зверь – такой же косматый и почти такой же огромный, только с большим рогом на носу.

Гордяна смотрела, полуприкрыв глаза; сквозь закуржавелые ресницы казалось, что маленькие фигурки движутся по чёрной поверхности огромного камня, древнего, как само мироздание. Она слышала воинственные крики охотников, травящих добычу, топот оленьих копыт и свист стрел, трубный и грозный рёв индрика, вдруг резко переходящий в истошный визг обожжённого огнём зверя. Чувствовала противную вонь палёной шерсти, мешающуюся с запахом жареного мяса. Видела, как приплясывает, крутятся на верхушке камня (почему-то чистого от снега) косматый жрец с бычьим черепом на голове, одетый в шкуры и увешанный костяными оберегами, потрясает резным посохом из цельного клыка неведомого зверя – уж не индрика ли?

И почти въяве почувствовала устремлённый на неё откуда-то с небес невероятно грозный взгляд высшего существа, могучего властелина. Взгляд, казалось, спрашивал – не впусти ли ты идёшь, дева... не тревожишь ли моих людей пустяками?

Гордяна подняла голову, запрокинула лицо к небу, глянула сквозь внезапно нахлынувшие слёзы. Сквозь небесную синеву, особенно густую в ясный зимний день, сквозь белые клубы облаков тонко проступало огромное лицо в густой бороде и с кривыми рогами, глядело сурово и строго.

И что она может ответить?! Она, потревожившая покой Чёрного камня ради собственной капризной любви, ради нарушения родовых запретов?

А может, Владыка прямо сейчас заберёт её к себе... и не в том ли его воля? И может не зря в роду дразнят? Владыка-то тоже медведь.

Гордяна упрямо стиснула зубы.

Нет!

Она не отступит!

Лицо Властелина дрогнуло и растаяло, медленно исчезло в облаках. А вместо него возникло иное лицо – женское. Прекрасное вечно юной красотой и вместе с тем умудрённое годами и даже веками жизни.

Великая Мать, вечно единая в трёх ликах – юной девы, зрелой женщины и мудрой старухи.

Девушке даже показалось, что женский лик чуть подмигивает – держись, девушка.

Борись за свою любовь!

– Мати-Лада... – прошептала девушка, прижимая руки к груди. Лик медленно растаял, точно так же, как и Велесов до того.

Гордяна вздрогнула и очнулась.

Руки заоченели, на ресницах замёрзли слёзы.

Сколько времени она стоит здесь, у этого камня, видока долгих веков, а то и тысячелетий?

Девушка решительно всхлипнула, утёрла глаза рукавицей и обогнула камень. Пересекла утопанную дорожку из волчьих следов. Тропинка, спрямляясь, пересекла широкую заснеженную поляну и упёрлась в низкие ворота. Из-за чуть покосившегося тына виднелась укрытая снеговым сугробом высокая кровля, а с перекладины над воротами зловеще скалился крупными жёлтыми зубами конский череп – пугал лесную нечисть.

Гордяна несколько времени передохнула, сотворила вокруг головы осторожный круг и решительно двинулась к воротам.

Ворота были чуть приоткрыты.

Посреди широкого двора стоял чуть кривоватая большая изба без единого окна, зато по причелинам, полотенцами и балясинами высокого крыльца тянулась нарядная резьба – тут и солнце, и молния, и огонь, и всевозможное зверьё. Гордяна усмехнулась, сделала шаг от ворот, и тут со скрипом отворилась дверь. На крыльце возникла высокая седая старуха в едва накинутом на плечи пожелтелом от старости полушубке, костлявая потемневшая рука крепко сжимала тяжёлый резной дубец, более приличный мужчине в годах – дородному родовому старосте или ведуну, а то и старому князю, будь такой в кривской земле. Пронзительно и внимательно глянула на девушку, несколько мгновений её молча разглядывала, потом сделала короткий приглашающий знак рукой – входи, мол. Поворотилась и ушла в избу, оставив дверь отворённой.

Надо было входить.

Изба ведуньи тоже была всегда.

Всегда сколько помнила Гордяна. И всегда, сколько знали её родители.

И ведунью Гордяна знала тоже. Всю жизнь.

Старая Летава жила здесь всегда.

Мало того, она была из их рода!

Когда-то давно, может лет двадцать тому, а может и сто лет жила в роду девушка Летава. Песенница и хохотунья, плясунья и затейница, собирала как-то девушка грибы. И дорожка вывела её сюда... к камню. Неведомо уж, что она видела или там слышала... а только воротилась домой молчаливая, на себя непохожая.

После того схватились родичи за голову – перестала девушка ходить на гуляния да честные беседы, подолгу в лесу пропадала. А однажды – пропала вонзят.

И только уже потом нашли охотники избушку у Чёрного камня. И встретили там Летаву. Только невестимо куда пропала та песенница – была эта Летава мрачна и молчалива, зато хорошо знала все лесные травы и заговоры.

Гордяну вдруг разом охватила какая-то непонятная робость. Он закусила губу и понукала сама себя – ну же! Чего же теперь-то стала? Мало не тридцать вёрст отмахать на лыжах и отступить на самом пороге – подобной глупости свет не видывал ещё.

Воткнула лыжи у крыльца, поднялась по чуть скрипящим ступенькам и переступила порог. В сенях было полутемно – только в отворённую дверь за спиной чуть сочился слабый свет. Гордяна обила снег с меховых постолов, прошла в жило.

В пояс поклонилась домовому, выпрямилась и огляделась.

Внутри было не так уж и темно – горели три светца, пламя приплясывало на сквозняке. Изба была велика, и порядок – на зависть иным. Гладко выскобленный и натёртый воском пол, ровные бревенчатые стены – отмытые янтарно-блестящие до воронцов и чёрно-блестящие выше. Середину избы занимал сколоченный из толстых досок стол, вплотную придвинутый к небольшой печи. На лавках вдоль стен – небрежно брошенные звериные шкуры – волчьи, медвежьи, рысьи. Немалое меховое богатство, уж Гордяна-то, дочь первого охотника в окрестностях, в шкурах толк понимала. Прямо над дверью – развесистые лосиные рога, увешанные пучками сохнувших трав. Из запечного пристально глядят чьи-то немигающие глаза, совсем непохожие на человеческие – кошка, домовая или какая-нибудь нечисть? Кто знает?

Хозяйка избы сидела в красном углу, прямо под божницей, с которой сумрачно глядели лики домашних богов – сухая и прямая как палка, с морщинистым лицом. Казалось, и голос у неё должен быть такой же скрипучий, как старая осина или ёлка.

– Дверь-то притвори, полоротая, – неприветливо проскрипела старуха, и Гордяна невольно вздрогнула – надо же было так угадать... Притянула дверь, захлопнула поплотнее... – Проходи да сказывай, с чем пришла.

Девушка вдруг запнулась. А что говорить? Рассказывать, как волю всего рода ни во что поставила?

Ведунья цепко глянула на неё и вдруг усмехнулась.

– Ладно, не трудись... и так всё вижу, – ехидно бросила она. – Любишь.

– Люблю, – потерянно выдохнула Гордяна.

Летава криво усмехнулась.

– Оно и видно... – проскрипела она. – И через родовую честь переступить готова...

Гордяна виновато потупилась, сжала зубы. Уже переступила.

– Мать-Лада меня одобрила... – прошептала она.

Подняла голову, улыбнулась через силу прямо в цепкий недоверчивый взгляд ведуньи.

Старуха смотрела без насмешки.

– Так чего же тебе, дева? – спросила она уже без прежней скрипучести в голосе. По-доброму спросила. – Ты его любишь, Мать-Лада не против... в чём дело-то?

– Женатый он, – всхлипнула Гордяна, опустив глаза. – Очетованный.

Ведунья пожала плечами.

– Меньшицей быть не хочешь? От жены отворотить задумала? – в голосе Летава вновь возникла неприязнь.

– Нет, – покачала головой девушка. – И меньшецей согласна, и чернавкой... лишь бы при нём быть... хоть жене его ноги мыть...

Смолкла.

Ведунья глядела непонятно. То ли сочувственно (да и как тут не посочувствуешь, такой-то любви), то ли понимающе (женщина женщину всегда поймёт), то ли завистливо (самой-то Летава такого никогда испытать не довелось).

– В роду житья не стало, как я жениха отвергла... Медвежьей невестой дразнят.

– Ладно, дева, – проскрипела она (голос ведуньи снова стал неприятным и пугающим). – Помогу я твоему горю... чем смогу...

Из поставца пряно пахло сухими травами. Ведунья отвалила дверцу поставца пошире, запах волнами потёк по горнице, пахнуло летом.

Гордяна прикрыла глаза – казалось, сейчас коснётся полуприкрытых век солнечное тепло, и девушка поймёт, что всё, что случилось за лето и осень – только дурной сон, а на самом деле она после полуденной выти на сенокосе придремала в жару под копной...

Но солнечного тепла не было – был тусклый свет горящих на светцах лучин.

А Летава, меж тем, рылась в поставце, неразборчиво бормоча себе под нос:

– На море, на океане, на острове Буяне, растёт трава-любисток. Стану я на заре, пойду через двери да ворота, росой умоюсь да на зарю алую гляну, шитым браным полотенцем утрюсь. Пойду я по заре по Буяну-острову, сорву траву любисток с поклоном. Будь же трава любисток сильна да добра, будь свежа да востра...

Толстый мясистый травяной стебель лёг перед Гордяной на струганные доски стола, не покрытые скатертью. Девушка вздрогнула.

– Не пугайся, – вздохнула ведунья. Взяла стебель, быстрыми движениями ножа искрошила его на куски, ссыпала сухую траву в большую каповую чашу с резными узорами по бокам. Гордяне в этих узорах вдруг почудилось какое-то сходство с теми, что она только что – или сто лет тому (она вдруг поняла, что не знает, сколько времени уже сидит в избушке Летава)?! – видела на Чёрном камне. Неуж и чаша столь же древняя, как и сам Камень? И избушка?!

На девушку дохнули своим суровым и строгим холодком сами прошедшие века.

– А если пугаешься, – так вон Род, а вон и порог, – подвела черту ведунья. – Обратно ступай, отцу покорись да замуж выходи за того, кого он укажет.

Гордяна сжала кулаки, но промолчала.

Ведунья вытащила из печи горшок, ловко наклонила его над чашей и в каповую посудину хлынула кипящая вода. По горнице потянуло пряным и дразнящим запахом, опять повеяло летом, солнцем, купальским костровым дымом.

– Тебе говорю, любисток-траву, – сказала вдруг ведунья. – Вода говорит, не я говорю – сделай своё дело.

Сняла со светца лучину.

– Огонь тебе говорит, не я говорю – сделай своё дело.

Летава сунула в чашу горящую лучину, огонёк зашипел и умер, угольки осыпались на дно чаши.

– Руку дай, – велела Летава сухо. Девушка протянула руку, стремительно мелькнуло узкое железное лёзо, боль резко обожгла руку, кровь закапала в чашу.

– Кровь тебе говорит, не я говорю – сделай своё дело, – шёпот ведуньи обжигал уши.

Липовой ложкой Летава перемешала в чаше воду, процедила через частое сито, снова слила в опустелую чашу.

– Пойду я, красна девица, в чисто поле, есть в чистом поле белый кречет, – заговорила Летава, водя над чашей руками. Голос ведуньи понизился до шёпота, и Гордяне вдруг показалось, что на дом надвинулась темнота, зашуршала за волоковыми окошками сухим снегом. – Попрошу я белого кречета: слетал бы он на восточную сторону, в чисто поле, в синее море, в крутые горы, в тёмные леса, в зыбучие болота, где живут четыре брата, четыре ветра буйных – восход и закат, север и юг. Попроси, белый кречет, силу ветра, возьми любовь-тоску, да понеси в высокий терем, на заднее крыльцо, в подымное окно, под гнилое бойное дерево, не прямой дорогой, а стороной, мышьей тропой, собачьей тропой, на воду не упусти, на землю не урони, на стуже не позноби, на ветре не присуши, на солнце не повянь, донеси всю любовь-тоску до добра молодца, воина Несмеяна – хошь бы в чистом поле, хошь бы при расстанье великом, хошь бы при путях-дорогах, хошь бы в парной бане, хошь бы в светлой светлице, хошь бы за столами дубовыми, хошь бы за скатертями перчатными, хошь бы за кушаньями медовыми, хошь бы при мягкой постели, при высоком изголовье, хошь бы при крепком сну. Садись, бел кречет, добру молодцу, воину Несмеяну, на белу грудь, на ретиво сердце, режь его белу грудь вострым ножом, коли его сердце вострым копьём, клади в его белу грудь, в ретиво сердце, в кровь кипучую любовь-тоску, во всю его силу могучую, в кровь и плоть, во всю буйну голову. Будьте те слова мои недоговорены, переговорены, все сполна говорены. Ключ в зубы, замок – в рот.

Где-то в непредставимой дали Несмеян вздрогнул, словно что-то почуя, осторожно, чтобы не задеть руку, пораненную в случайной лесной стычке, отставил недопитую чашу с квасом.

– Случилось чего, Несмеяне? – встревоженно спросила Купава, видя, как изменился в лице ненаглядный муж. Обнесла вокруг стола большой живот, подошла к мужу вплоть, поглядела огромными, насквозь проплаканными по отцу глазами.

– Так... показалось что-то такое... – неопределённо ответил гридень, поводя в воздухе пальцами. Его и в самом деле только что-то сильно кольнуло в сердце.

Купава тревожно вглядывалась в лицо мужа, прискакавшего на пару дней – повидать семью (а уж завтра с утра пора было ему и обратно к князю!), но он только махнул рукой.

– Покинь, Купаво... пустое...

С опушки Гордяна оборотилась, нашла взглядом дом ведуньи. Его уже было почти не видно за густыми хлопьями снега – погода вновь разыгрывалась, но девушке было не страшно. Дочь первого охотника округи не боялась и в лесу зимой заночевать.

Различила над воротами конский череп, невесть откуда и невесть когда туда угодивший, что-то словно сжало сердце. Череп насмешливо скалил крупные жёлтые зубы. Дело было сделано, жалеть поздно и не о чем. Приворотное зелье – густое тёмно-зелёное варево – плескалось в маленькой, сделанной из бараньего рога, фляге у пояса, надёжно заткнутой плотно пригнанной деревянной пробкой.

Гордяна не видела на крыльце никого, само крыльцо постоянно скрывалось за плотной пеленой снега, но почему-то девушке казалось, что на неё снова глядит ведунья – всё тем же сочувствующе-понимающе-завистливым взглядом.

Нет.

Не медвежья она невеста.

Не медвежья.

Девушка прощально взмахнула рукой, повинувшись какому-то неосознанному чувству, и снова двинулась по тропе, неуклонно скрывающейся под тонким слоем снега.

ГЛАВА ВТОРАЯ ПЕПЕЛ

1. Дреговская земля. Где-то не очень далеко от Менска. Зима 1066 года, просинец

Конь пал в сотне вёрст от Менска. Захрапел, раздувая полнящиеся кровью ноздри, начал засекается на скаку и вдруг с маху грянулся об утоптанную лесную тропу – только копыта взметнулись, да взлетел облаком взвихрённый ими снег.

Горай едва успел выдернуть из стремян ноги и извернуться, чтоб лицо не утереть браным рушником обледенелой дороги. Перекатился и замер в сугробе, оторопело глядя на то, как бьётся в снегу конь. Тупо утирал с лица тающую снежную пыль, а в голове билось только одно: «Теперь всё, конец. Опоздал».

Сначала дорога была знакома – это ж Горай в прошлом году отвозил в Полоцк от Колюты весть о пленении волынской княгини Ярославичами. Вот и ныне: что трудного – скачи да скачи вверх по Днепру, благо и сама река уже месяц как подо льдом. Дорога набита. Хоть до самой Орши. А после – на Витебск и вниз по Двине. Самый удобный путь.

Но потом... потом всё пошло наперекосяк.

Началась невнятица в устье Припяти, невдалеке от Чернобыля.

Дым над берегом Горай заметил издалика и сразу насторожился. Остановил всхрапнувшего коня, спрыгнул с седла (выше щиколотки в снег). Вгляделся.

Дым стоял столбом – и не диво в морозный-то день. Один столб дыма. Но вдалеке... Вдалеке, у самого окоёма, за лесами и косогорами днепровского берега подымались другие дымы – полупрозрачные, лёгкие. Едва заметные. Много.

Горай сплюнул в снег; слюна мгновенно свернулась в шарик и замёрзла. Выковырял из конских ноздрей намёрзшие ледышки, стряхнул иней с ресниц. Конь только жалобно фыркнул в ответ.

– Знаю, дружище, – вздохнул Горай. – Я бы сейчас тоже лучше в тепле посидел, с чарой сбитня да пирогом с вязигой. А никуда не денешься.

Он ещё хотел что-то сказать, но понял, что тянет время – не хотелось принимать решение.

Дорога перехвачена – это было ясно как день. Кто там, впереди, чьи там вои, застава там или передовой дозор – было совершенно не важно. Неоткуда здесь было взяться своим, а значит, кем они ни будь, обязательно – враги. Приходилось забрать круто вправо, вдоль Припяти. А потом выбираться к северу, к Менску. Другой дороги у него теперь нет.

Проскочить же мимо дозоров не удалось – то ль заметили его, то ли просто наскочил на чересчур ретивых дозорных.

Заметив невдали, около темнеющего ельника три чёрные точки, Горай некоторое время вглядывался, потом понял, что это всадники, и что скачут они не куда-нибудь, а к нему.

Не уйти.

Горай коня слишком устал, а эти наверняка на свежих. Остаётся сделать вид, что ты не боишься, а просто едешь по своим делам, благо никто не может сказать, кто он такой, по его виду. Короткий овчинный козух, шапка с бобровой опушкой, кистень и нож на поясе, лук за плечами, топорик у седла. То ль вой, то ль огнищанин, то ль вовсе бродяга какой. Однако ж на авось тоже излиха надеяться не стоит – вряд ли в дозорных лопухи ходят.

Перехватили они его через версту – скакали наперехват, спешили. Один, в оснеженной кольчуге поверх такого же, как у Горяя, полушубка, стал на дороге впереди, держа завязанный лук в полуопущенной руке (и стрелу на тетиву наложить, да и выстрелить у него вряд ли задержится!), и весело глядел на Горяя из-под низкого наличья варяжского шелома. Двое других, в набивных доспехах, укрепленных железной чешуей, грамотно охватили с обеих сторон, поигрывая нагими мечами.

Пришлось остановиться.

Бросилось в глаза черниговское знамено на щитах. Святославищи! Стало быть, пока Изяслав и Всеволод в Киеве собирают полки Русской земли, средний Ярославич со своими людьми перехватил русло Днепра в самом оживленном месте – чтоб ни одна мышь не проскочила.

Умно.

Всё это мгновенно пронеслось у Горяя в голове, он облизнул пересохшие губы, лихорадочно соображая, что говорить и как не запутаться во вранье. Там, в Киеве, при отъезде, продумать это было некогда, понадеялись они с Колютой на авось по извечному русскому обычаю. Подвёл авось.

– Далеко спешишь? – кольчужнику всё было весело – светлые усы раздвинулись улыбкой. Ни дать, ни взять, близкого друга встретил, сейчас остальных двоих за пивом и пирогами пошлёт. – Кто таков?

– Гонец, – ровно, недрогнувшим голосом ответил Горяй. – От тысяцкого Коснячка в Туров послан. За тамошним городовым полком, князю великому в помощь.

Он бил наверняка. Даже если кто из них и видал его раньше (чего только не бывает на свете), то должен помнить, что он, Горяй – из киевской городской рати. А кого Коснячок пошлёт гонцом? Не княжьего ж воя. Да и снаряжен он и впрямь так, как гонцы снаряжаются.

– Знамено есть?

Ну какое у них могло быть знамено? Никакого, вестимо! Горяй только молча мотнул головой.

– Грамота?

– Без грамоты послан. Со словом неким.

– А почему не о-дву-конь, раз гонец? Где твой конь второй?

– Захромал, – Горяй махнул рукой в сторону оставшегося далеко позади Вышгорода. – Оставил там, на погосте. Выходят, после войны ворочусь, заберу.

– А задержим тебя? – возразил кольчужный, глядя на Горяя с любопытством. – До прихода рати великокняжьей?

– А держи, – повёл плечом Горяй. – Тебе ж после от князя и нагорит, коль туровский полк в дело опоздает. Всеслав-то, небось, ждать не станет, пока дрягва на помощь к нам подтянется.

Видно, что-то в словах Горяя кольчужника убедило. Он ослабил тетиву, бросил лук в налучье и толчком ноги вынудил коня посторониться.

– Ладно, пустите его, други. Пусть проезжает.

И до самой опушки ельника Горяй ехал под их взглядами, как под прищелом, пересиливая нестерпимое желание оборотиться. Стерпел, не выдал себя. И только скрывшись за низким, заснеженным ельником, понял, что рубаха на спине мокрая насквозь.

Горяй, наконец, встал на ноги, чуть хромая (правая нога болела в колене), подошёл к коню. Тот дико глядел выкаченным глазом в багровых прожилках, из ноздрей сочилась на снег кровь, в горле хрипло свистело частое дыхание. В очередной раз попытался подняться, но крупно дрожащие ноги подламывались и копыта только бесполезно взбивали снег.

Горяй только закусил губу и, стараясь не глядеть в умоляюще-понимающие фиолетовые глаза коня, быстро ударил ножом. Хрип в горле окончательно превратился в свист, плеснула

кровь, конь издал пронзительно-горловой звук и забился, теперь уже отходя совсем. Горяй, сумев увернуться от бьющихся копыт, сел в снег, глядя в сторону. По щекам катились крупные слёзы, замерзали. Никогда бы не подумал, что вот так станет плакать по коню, а надо ж... Чать, не мальчишка уже, на третий десяток поворотило давно.

Скажи там Старому Коню, – мысленно просил он конскую душу, что сейчас вставала над остывающим телом на вечно молодые, не отягощённые подковами копыта. – Скажи, что я не виноват... мне спешить надо было... так боги судили, видно.

Боги посудили Горяю встретиться в позапрошлом году с Колютой. Тогда он, вой городовой рати, ещё и представить не мог, что это приведёт его на сторону Всеслава и на ратном поле тоже. И теперь только осталось богов молить, чтобы не пришлось оружие скрестить с теми, с кем из одного котла кашу метал да за одним щитом от стрел укрывался.

Заслышав, что конь перестал-таки биться, Горяй встал, утёр щёки от намёрзшей влаги, стряхнул густой иней с усов, несколько мгновений подумал, не снять ли седло, но потом покинул – далеко не унесёшь, да и спешить надо, а спрятать – кто его знает, когда вновь в эти места попадёшь? Дорога в Киев теперь, пожалуй, заказана напрочь. И решительно зашагал на полночь, к Менску.

Потеплело на третий день.

Горяй шёл на лыжах – их он попросту стащил в придорожной дреговской вёске, когда понял, что коня ему ни продавать, ни тем паче просто так давать не собираются. Оглядев хмурые взгляды мужиков, неспешно выбирающих кто вилы, кто топор поухватистей, он понял, что с ними не справится. Конечно, будь он опоясанным, посвящённым воем – может и одолел бы их в одиночку. Но он не из дружины, он – из городской стражи. Его вороги доселе были не витязи, а тати. И уже уходя из вёски, он заметил в одном из дворов, огороженных не частоколом, а редким тыном, воткнутые в сугроб лыжи. Во дворе было пусто, и Горяй, воровато оглянувшись по сторонам, нырнул во двор, выдернул лыжи из снега и был таков.

Две ночи он ночевал в лесу, у могучего костра, сложенного из коротких брёвен, ежась от подступающего со спины мороза. И на третье утро, уже вдевая носки меховых сапог в ременные петли лыж, понял, что уже не так холодно, как было до того.

Держаться Горяй старался у самой дороги, чтобы не заблудиться – всё ж таки не родные киевские места. Но и на большак старался не выходить – мало ли. Ещё настигнут его, пешего, конные вои Ярославичей.

К полудню в верхушках деревьев зашелестел ветер, сбрасывая снег с еловых и сосновых лап, начало порошить, и Горяй понял, что пора устраиваться на днёвку. Поворотил ещё чуть в сторону от дороги, отыскал огромную, широко разлапистую ель, раздвинул ветки и нырнул внутрь, обрубая топором то, что особо мешало. И оказался в природном шалаше, укрытом со всех сторон широкими еловыми лапами, укрытыми снегом. Повозился, утаптывая снег – теперь в шалаше его можно было даже выпрямиться во весь рост, не задевая веток головой. Жалко костра тут не разведёшь – дрова искать идти уже опасно (ветер гудел в верхушках всё сильнее), да и жечь огнём приютившее его дерево совесть не позволяла. Ладно, надо надеяться, что непогода ненадолго.

Буря пала на лес стремительно. Рванув, загудел ветер в вершинах, густая пелена снега застелила всё опричь, качнулась ель над головой Горяя, осыпались снеговые шапки. Вой съёжился, кутаясь в свиту и полушубок – впрочем, под широкими еловыми лапами было не холодно, хоть спать ложись – ни тебе ветра, ни почти что метели. Спать, однако, не стоило – можно и не проснуться.

Горяй сидел, обхватив колени руками, сберегая тепло, то щипал себя за нос, чтобы не заснуть, то шептал молитвы богам, то принимался вполголоса напевать – а спроси его потом кто-нибудь – что пел? – не вспомнить.

Стихло к вечеру.

Горай выбрался из-под ёлки и поразился тому, как враз, за несколько часов, изменился лес: кругом тяжёлые снеговые шапки, дорога исчезла напрочь, кусты прибило снегом – теперь до весны им не распрямиться, там и сям сугробы гребнем высятся на сажень, перегораживая проходы меж деревьями. И непутём поразился тому, что с ним нет коня – и от бури было бы не спрятать его, и по такому бездорожью потом с конём куда? Только ноги животине ломать.

Горай коротким пинком выбил из-под сугроба лыжи, протёр их и воткнул в снег торчком. Выходить сейчас в путь было неразумно, надо было поспать хотя бы несколько часов. Зимовье поблизости искать на ночь глядя – смысла нет, да и поди найди его.

Несколькими ударами топора Горай снёс ближнюю сосенку, отряхнулся от свалившегося на него сугроба, точными ударами очистил ствол сосны от веток, разрубил пополам. Вынул кресало и кремёнок, высек огонь. Рыжие языки жадно лизнули враз скорчившуюся берёсту, перекинулись на весело затрепавший лапник; зашипел тающий снег.

В котелке кипела каша с куском вяленого мяса, ещё несколько кусков, насаженных на ветку, подрумянивались над огнём, распространяя вокруг соблазнительный запах. Горай резал хлеб, прижимая половинку коровья к груди – хлеба оставалось мало, но до Менска тоже осталось всего ничего, ему хватит. А там тысяцкий поможет до Всеслава-князя добраться побыстрее.

Эх, пса бы с собой взять какого-никакого, хоть сторож был бы ночью, – в который раз за свои вынужденные лесные ночёвки вздохнул Горай, хлебная каша. А то вот так спи у огня, да то и дело просыпайся – не затлела ль одежда, не прогорели ль дрова, не подкралось ли зверье или нечисть какая.

То, что он сбился с пути, Горай понял к вечеру следующего дня. Но не особенно обеспокоился. За день он отмахал не меньше тридцати вёрст, и держал уверенно к северу. Дорога осталась где-то далеко на восходе, но мимо Менска пройти он был не должен.

Начинало смеркаться, когда он вышел, раздвинув кусты на большую, густо поросшую березняком с краёв, поляну. А может, лесное озерко – зимой не разберёшь. Впрочем, нет – то там, то сям поднимались небольшие берёзки и сосенки. Стало быть, поляна, а не озеро.

Горай остановился.

Что-то его в этой поляне смущало – не мог пока что понять, что именно. Освободив ногу, стряхнул с сапога снег, отряхнул от снега и поправил годнее петлю на лыже, вновь вбил ногу в крепление. И понял, что неведомо с чего тянет время, не решаясь сделать шаг к середине поляны, где высился непонятный бугорок.

Медвежья берлога?

Сугроб?

Куча валежника?

Непонятно. Что-то ему не нравилось в этом сугробе, что-то было непонятно и вместе с тем знакомо.

Горай бросил по сторонам беглый взгляд и вдруг остолбенело распахнул глаза.

Да ведь это ж город!

Вернее, был город. Когда-то давно. Он вспомнил – березняк начался с определённого места, до него был сплошной сосняк. Всё правильно – раньше была пустошь вокруг города, потом берёзой заросла, как и все лядины. А всего пару сотен шагов назад (Горай вспомнил!) он миновал невысокий пологий пригорок, узкий и длинный, уходящий обоими концами в глубину леса – это ж вал когда-то был, и тын был, небось. А он сейчас прямо в воротах детинца и стоит. А сугроб тот – наверняка остатки святилища городского или княжьего терема. Горай так и не решился подойти вплоть к этому сугробу – не позволило какое-то странное чувство, словно на могилу чью-то наступить.

Кто они были?

Кривичи?

Дрягва?

Древляне?

А то и вовсе голядь альбо ятвяги?

Кто сейчас скажет. Никто не ответит ни на то, кто они были, ни на то, когда жили, ни на то, от чего сгинул этот град – от войны ли, от голода, от мора ль, или от иной какой напасти – да мало ль от чего могли сгибнуть люди.

На миг представилось, и захолонула душа: пустой город, отворённые ворота, и ветер одной створкой – скрип, скрип, скрип... плачет на пустой улице забытая жестокосердным хозяином кошка, и вторит ей из оставленного дома брошенный домовый. Никто не поставит теперь ему на ночь плошку с молоком или чашку с кашей, никто не окропит жертвенной петушиной кровью печные камни. По улицам течёт редкая позёмка, а в городские ворота заглядывает первый волк – сторожко оглядываясь, нюхает воздух и следы коней и саней, а потом подымает голову и выдаёт первый протяжный вой. А из леса, приближаясь, откликается на несколько голосов стая.

Горай содрогнулся, вьяве представив. Развернулся – ночевать в таком месте явно не стоило, мало ль чего взбредёт в голову одичавшим домовым и дворовым духам, если они ещё живы. Остановился на миг, подумал пару мгновений, вытащил из заплечного мешка остатки снеди, отломил от коровая краюшку, положил на неё сверху кусок сала и уложил на ближний пригорок, явный остаток угловой вежи детинца. Плеснул из кожаной вошёной баклажки сытой – ключевой водой, разведённой остатками мёда. Поклонился, не слезая с лыж.

– Примите, хозяева...

Что-то прозрачно-тёмное, огромное быстро и неслышно прошло над головой, словно облако ветром пронесло; Горай ощутил чьё-то незримое присутствие – всего на миг. Тряхнул головой и заскользил к ближней опушке, туда, где когда-то проходил городской вал – подходящую для ночного костра сосёнку он приметил ещё когда входил на поляну.

Проснулся Горай поздно – от постоянного недосыпа и регулярных пробуждений ночью уже болели глаза и голова. Он понимал, что ещё несколько дней – и он просто свалится в снег и заснёт. И будет спать, пока не замёрзнет.

Но куда идти? Если он, как и шёл до того, просто к северу будет идти, то можно и мимо Менска пройти, а то – просто не дойти. Надо хотя бы одну ночь в человеческом жилье переночевать.

Погасив остатки ночного костра снегом, Горай зачерпнул жёсткий сухой снег (опять морозило) обеими руками и растёр по лицу, прогоняя остатки сна, головной боли и ломоты. Глянул вверх, здороваясь с невидимым пока что солнцем (светало поздно, солнцеворот недавно только миновал) и замер. Прямо над головой, в сером пока что, начавшем синеть и наливаясь прозрачностью с краёв небе, висело белое пушистое облако, похожее на человека, на воя. Вон вытянулся островерхий шелом, вон спадает на плечи бармица, вон щит круглится над левым плечом. Длинные усы спадают на грудь, косматые брови нависают над прямым носом. А правая рука, вытянувшись, указывает длинным мечом куда-то в сторону, на полуночный восход.

Горай ошеломлённо хлопнул глазами:

– Перуне!

Пока он думал да размышлял, облако сломалось, потеряло очертания; вытянутая рука с мечом, хоть и смялась, но по-прежнему указывала всё туда же, на полуночный восход.

Думать, что это просто так, что это совпадение, стал бы теперь только круглый дурак, и Горай, спешно поклонясь, воткнул носки сапог в лыжные петли и заскользил в указанном облаком направлении, на ходу ломая хлеб и вытаскивая из мешка завёрнутое в тряпицу сало. Поест можно и на ходу.

2. Дреговская земля. Река Березина. Зима 1066 года, просинец

Горели вёски.

Горький и тошнотворный запах гари, особенно ясно ощутимый в морозном воздухе, полз длинными языками в лесах и распадках, разгонял сторожкое зверьё по берлогам и логовам. Дымы стояли столбами опричь всего стана великокняжьей рати, ополонившиеся вои продавали угрюмых кривских и дреговских мужиков, зарёванных баб и пугливо притихших детей рахдонитам тут же, прямо на стану. Вездесущие торговцы живым товаром раскинули шатры невдалеке от стана самого великого князя, день и ночь звенело серебро, и лились мёды и вина, невзирая на строжайшее прещение великого князя и главного походного воеводы черниговского князя Святослава.

Тут же распродавали по дешёвке награбленный в кривских вёсках скот.

Полон было много, купцы настоящей цены не давали – мало кто надеялся догнать всю эту ораву живьём хотя бы до Киева. Морозы стояли такие, что плевок замерзал на лету. Обогреться полону негде – путь рати Ярославичей распростёрся по кривской земле полосой выжженных деревень. Мало кто успел спрятаться в лесах. Да и не ждали кривичи и дреговичи такого от великого князя и его братьев.

Вои же распродавали полон охотно, даже бранясь – куда его и девать-то...

На кривскую землю навалилась зима – от мороза трещали леса. Синими вечерами ложились на дороги и сугробы длинные тени, блестели в сумеречных чащах волчьи глаза, стыли в морозном воздухе снеговые шапки на разлапистых елях и обволочённые густым куржаком березняки и осинники.

Время вторжения было выбрано с умом – сразу после Коляд, по-христиански же – после Крещения. Города и вёски кривичей, ещё недавно охваченные колядовским весельем, не ждали прихода врагов.

Три рати трёх братьев шли отдельно по всей ширине Березины, утапывая снег конскими копытами, растекаясь неудержимым половодьем вдоль реки. Киевская рать Изяслава Ярославича с сыновьями – Святополком и особо обиженным полочанами Мстиславом – и смоленский полк Ярополка Изяславича. Черниговская рать Святослава Ярославича с сыновьями – Романом, Давыдом и Ольгом – и тьмотороканский полк Глеба Святославича. И переяславская рать Всеволода Ярославича с сыном – Владимиром Мономахом.

После Громниц же, а по-христиански – после Сретенья, рать великого князя и его братьев достигла устья Свислочи, остановилась, растекаясь длинными густыми окольчуженными щупальцами, щетинясь копьями и мечами, поджигая вёски, разоряя одиночные починки.

День ярости настал.

День гнева настал.

Сто лет копилась вражда меж Северной Русью и Южной. Восемьдесят лет копилась и тянулась ненависть меж христианами и язычниками, изредка прорываясь внезапными походами и одолениями на враги.

И вот – полыхнуло.

Владимир Всеволодич Мономах поморщился от доносящегося запаха гари – ишь, даже и сюда дотянет, в стан прямо.

Юный ростовский князь впервой видел войну в её неприглядном обличье. Русская рать зорила русское же княжество, обходясь с ним, словно с вражьей землёй – в Степи или где-нибудь на Угорщине, у ромеев ли. Мономаху претило то, что доводилось видеть ежедён – и вереницы понуро-угрюмых кривских мужиков и баб со связанными руками, набитые портами и узорочьем व्यюки киевских, черниговских и переяславских воев, маслено-довольные лица купцов-рахдонитов, сотнями скупающих у воев живой товар.

Будут теперь эти мужики, если выживут, где-нибудь в Арране или Хузистане ковырять кетменём землю, а то в православной Империи ворочать весло на галерах базилевса, стяжая славу Святой Софии Константинопольской, или ломать камень где-нибудь в каменоломнях Феррарских для папы римского. И только немногим из них достанется судьба славная и горькая, если решит восточный покупатель крепкого да дерзкого парня сделать гулямом-воином. Но и им будут сниться ночами дреговские корбы, сосняки и берёзовые перелески, да морозные лунные ночи с синими тенями на сугробах... Сначала каждую ночь, потом всё реже и реже... а потом и вовсе – никогда... Останется только тяжёлая тоска на сердце.

Женщин иное ждёт.

Их красе тешить случайного покупателя, да плакать потом от боли и скрывать синяки на бёдрах да грудях от чужих жестоких пальцев, нянчить детей от чужезычного мужа альбо господина...

Мономах мотнул головой – не хотелось думать о тягостном. А как и не подумать, если вот оно, тягостное, само в очи лезет. И по четырнадцатой зиме тошно думать, что вот это и есть война, о которой грезил до сих пор, слушая рассказы бывалых воев да песни и старины бахарей. Эта – а не подвиги Муравленина да Яня Кожемяки.

Владимир закусил губу. Невольно вспомнился ответ отца, когда Мономах несколько дней тому затеребил отца в тоске – а надо ли столь жестоко с кривской землёй?! Ведь свои же, русичи?!

И тогда отец, незнакомо сжав губы и сузив глаза, долго глядел на сына, а после негромко сказал:

– Ведаешь ли, сыне, про разгул язычества в земле кривской?

– Но... – попытался было возразить Мономах, – и в наших землях, и даже у дяди Изя-слава...

– То – чернь, пусть их! – отверг Всеволод. – Бояре, гридни и князья – христиане, а со временем и к смердам то придёт! В Кривской земле иное – не только люд, но и гридни с боярами от христианства отверглись, но и сам князь полоцкий!

Владимир молчал. Слушать отца было странно – одновременно было ясно, что отец прав, и хотелось хоть что-нибудь возразить.

– Откуда ведомо-то? – спросил он всё же.

– Верные люди рассказали, – хмуро ответил переяславский князь. – Языческие обряды сам справлял, святой Софии новгородской язык вырвал и ослепил – ни крестов, ни колоколов, ни паникадил! В Софии языческие требы жрали – жертвы на кострах жгли прямо в храме, и добро, если не человечьи!

– Пусть его наказывает господь! – возразил запальчиво Владимир. – Попадёт в пекло, туда ему и дорога!

Несколько мгновений Всеволод смотрел на сына с сочувствием и даже с сожалением.

– Не понял ты меня, сыне, – сказал он тихо. – Ну что же, поясню...

Он помолчал ещё, отыскивая нужные слова.

– Народ – это, конечно, сила, – произнёс младший Ярославич с расстановкой. – Да только сила эта – мясо без костей. А кости – это вятские. Это гридни, это бояре, это вои... А голова всему – князь.

Мономах вскинул голову, начиная понимать.

– Лет тридцать тому в ляхских и мазовецких землях было восстание, – продолжал Всеволод всё так же тихо. – Язычники поднялись – против короля Казимира, против шляхты и можновладцев... против христианства. Головой – некий Моислав...

– Княжье имя, – задумчиво сказал сын.

– Вот именно, – усмехнулся отец. – Он княжьего рода и был... мазовецкий князь. К нему ещё поморяне примкнули, ятвяги, пруссы... И если бы не помощь немцев, угров и Руси...

неведомо, удержался ли бы престол Пястов да и сама вера христианская в мазовецких и ляшских землях.

– Всеслав не имеет прав на великий стол! – запальчиво возразил Мономах, вмиг поняв недосказанное отцом.

– Сколь много значат эти наши придуманные права? – усмехнулся Всеволод. – Ты слышал, я чаю, что нынешним летом у варягов сотворилось?

– Князь Готшалк, сын Уто, из Наконичей, очень успешен был, – говорил отец спокойно, невзирая на кивок сына, но от спокойствия этого веяло могильным холодом. – И глинян покори́л, и хижан с чрезпенянами. Только ни во что это всё пошло из-за того, что христианам покровительствовал, церковь святую к невегласам варяжским привёл, истинную веру своим соотечественникам принёс. Собственный зять Блюссо его убил, князя вместе с епископом Иппо у алтаря зарезали, и остальных священников редарянеи доленчане побили всех из головы в голову. А княгиню Сигрид, вместе с придворными девушками, нагишом гнали до самых доньских² земель. И на престол вече язычника с Руяна усадило, Круко из Ререгов. Чужака, руянца на престол посадили только потому, что язычник. Ныне сыновья Готшалка, Генрих и Будивой, в чужих землях прячутся да помощи ищут, один – у данов, другой – у саксов. И первенец Всеславль, Рогволод, там в первых головах ходил, мечом махал. Того ли ты и для себя да братии своей хочешь?

Владимир подавленно молчал. Про эти события он, вестимо, слышал, только вот значения особого не придавал.

– Понял теперь? – устало спросил Всеволод. – Всеслав-князь, готовый вождь для язычников, которых в наших землях – уйма! Они верят, что полоцкий оборотень – прямой потомок этого рогатого демона Велеса, рождённый от волшбы некой! И оборотень-то он, и чародей! И – родич наш, а то, что отец его на великом столе не был – то пустяком станет, если он до того стола великого доберётся. Круко вовсе некоторых прав на престол варяжский не имел. А Все-славу, по слухам, Судислав свои права на великий стол завещал.

– Да тут и многие христиане-двоеверы отвергнутся, – пробормотал Мономах, напуганный открывшейся перед ним бездной.

– Вот! – Всеволод поднял вверх палец, окинул грустным взглядом морозный лес. – В корень зришь! А уж с гриднями да боярами полоцкими... Потому Всеслав должен получить предметный урок! И кривская земля – тоже!

² Доньских земель – датских.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.